ARAN LAER

Палантир

журнал
толкиновского
общества
санкт-петербурга

№ 71

сентябрь
2015

В НОМЕРЕ:

Алиса Фаер.
Особенности перевода фразеологизмов и пословиц «Властелина Колец» на русский и чешский языки *(окончание)*. 3

Екатерина Образцова (Acantharia), Хельги Липецкий.
О клятве Феанора и его сыновей *(окончание)*. 21

Лесли А. Донован (Перевод с англ. Ольги Колядич).
Отражение образа валькирии в трилогии Дж.Р.Р. Толкина «Властелин Колец». Галадриэль, Шелоб, Эовин и Арвен 35

Дж. Р. Р. Толкин (перевод с англ. Анариэль Ровэн).
Записки клуба «Мнение» *(фрагмент)*. 55

Обложка и оформление - **Моргул**

На последней странице коллаж **sassynails** «Aran Laer»

Palantir®

ПАЛАНТИР

№71 сентябрь 2015

Журнал Толкиновского Общества Санкт-Петербурга

Этот номер для вас делали:
Золтан Бардинг, Мария Семенихина, Моргул

e-mail: **palantir.mail@mail.ru** twitter: **TolkienSpbRu**
Наш сайт: **tolkien.spb.ru**

Copyright © 1997-2015 Толкиновское Общество СПб

Права на все опубликованные материалы сохраняются за авторами. Перепечатка любых публикаций и их частей без разрешения Толкиновского Общества Санкт-Петербурга запрещена. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Редакция оставляет за собой право производить необходимые правки в публикуемых материалах. Просим авторов соблюдать принятое в журнале оформление материалов, учитывая используемые шрифты и кегли, оформление сносок, иллюстраций и таблиц. Благодарим авторов за сотрудничество с журналом.

Издание журнала не преследует коммерческих целей. Тираж - 100 экземпляров.

Редакция журнала благодарит автора использованных в издании шрифтов Tengwar Quenya и Tengwar Sindarin Дэниеля Стивена Смита.

«любящий лошадей».

[18] *...в глоссах.* — Глосса — иноязычное или непонятное слово в тексте книги с толкованием, помещённым либо над самим словом, либо под ним, либо рядом на полях.

Древнеанглийское слово «earendil» (с вариантами «earendel», «eorendel») встречается в латинских текстах как глосса слов «jubar» — «утренняя заря; свет звезд; яркость» и «aurora» — «утренняя заря». На основе употребления этого слова в других древнеанглийских текстах Дж. Р. Р. Толкин сделал вывод, что слово «earendil» в древнеанглийском языке обозначало звезду-предвестницу рассвета и, метафорически, Иоанна Крестителя, а не Христа, как полагали другие ученые.

[19] *Это цитата из поэмы «Христос», хотя не вполне понятно, что именно имел в виду автор.* — «Христос» — древнеанглийская поэма, автором которой (и еще нескольких христианских религиозных поэм, написанных традиционным аллитерационным стихом) считается англосакс Кюневульф, живший в VIII-X веках н. э.

[20] *Tíwas.* — Tíw — древнеанглийское имя германского бога, в древнеисландском носившего имя Тюр (английское название вторника — Tuesday — образовано от имени именно этого божества). Считается, что это имя происходит от ранней формы *Tiwaz, родственной латинскому «deus» и, соответственно, изначально имевшей смысл «бог»; в древнеисландском есть множественное число «Tívar» — «боги». Тогда получается, что явившееся Лаудему слово «Tíwas» (= «Валар») — незафиксированный древнеанглийский эквивалент этой формы.

[21] *Nówendaland.* — Это слово образовано от зафиксированного древнеанглийского слова «nówend» — «капитан корабля, моряк», т. е. оно переводится как «страна моряков».

[22] *Fréafíras.* — Это слово состоит из древнеанглийского «fréa» — «господин», которое также часто встречается в качестве первого элемента сложных слов, и из «fíras» — «люди».

[23] *Regeneard.* — Это слово, несомненно, обозначает Валинор. В древнеанглийском элемент «regn-» появлялся в сложных словах со значением усиления («величие, власть»), а также в именах собственных (например, имя «Regenweald», превратившееся в современное «Реджинальд»). В древнескандинавской поэзии слово «Regin» (множественное число) означало богов-правителей мира, оно также появляется в слове «Ragna-rök» — «рок богов» (по ошибке переведенном как «сумерки богов» из-за сходства со словом «rökr» — «сумерки»). Древнеанглийское слово «eard» означает «земля, страна, жилище, дом»; таким образом, «Regeneard» — «Божий дом», т. е. Валинор.

[24] *Midswípen.* — Слово «midja-sweipains» имеется в готском языке. Оно, очевидно, означает «катаклизм, потоп середины (земли)», где «midja» — редуцированная форма «midjun-», как в готском «midjun-gards» (земли, населенные людьми, «Средиземье»). Это, явственно, источник Лаудемова отсутствующего в источниках древнеанглийского слова «Mid-swípan».

[25] *Frumaeldi* — «Первая Эпоха». Слово «Wihawinia» К. Толкин не в состоянии интерпретировать с определенностью.

[26] *Ономастикон* — алфавитный список имен собственных.

[27] Свой рассказ Лаудем завершает в той же манере, в какой мог закончить свою песнь средневековый английский менестрель, и вдобавок вышучивает Фрэнкли.

(на материале диссертации на соискание ученой степени магистра)
филологический факультет СПбГУ

(окончание)

Способы перевода пословиц

По аналогии с анализом перевода фразеологизмов, для анализа и сравнения способов перевода пословиц мы также распределили все найденные в переводах соответствия на эквиваленты, аналоги, замены, кальки, описания, опущения и переводческие окказионализмы.

1. Перевод с помощью эквивалента

Эквивалентными являются те пословицы, которые аналогичны оригинальным и по структуре и по смыслу, а также основаны на одном и том же образе.

Посредством сопоставительного анализа переводов Толкина на чешский и русский языки с оригиналом, мы пришли к следующим цифрам: из 106 пословиц, употребленных Толкином в его трилогии, 11 были переведены на чешский язык с помощью эквивалента С. Пошустовой, Н. Григорьева и В. Грушецкий воспользовались этим способом перевода на русский язык также 11 раз, в то время как В. Муравьев и А. Кистяковский – 13 раз. Примерами могут послужить:

1) *"I was delayed," said Gandalf, "and that nearly proved our ruin. And yet I am not sure; it may have been better so."*

"I wish you would tell me what happened!"

*"**All in good time**! You are not supposed to talk or worry about anything today, by Elrond's orders."*

(«Меня задержали, – сказал Гэндальф, – и это чуть не погубило наше дело. И все же

я не уверен, не к лучшему ли это было».

«Так ты мне не расскажешь, что случилось?»

«**Всему свое время!** Сегодня тебе не следует ни разговаривать, ни волноваться о чем бы то ни было – так распорядился Элронд») [Tolkien 2000a: 167]. – *All in good time* (Всему свое время) [NTC 2000: 175].

Григорьева-Грушецкий:

– Меня задержали, и из-за этого едва не случилось большой беды. Тут я, правда, не очень уверен: может, так оно и лучше получилось.

– Расскажи, а? Мне жутко хочется послушать!

*– **Всё в своё время**. Сегодня Элронд вообще не разрешил тебе разговаривать. Тебе еще нельзя волноваться* [Григорьева 1991: 161]. – Вариант пословицы *Всему своё время* [Жуков 1991: 77].

Муравьев-Кистяковский:

– Меня задержали, – ответил Гэндальф. – И это могло нас всех погубить… А впрочем, теперь я ни в чем не уверен: возможно, все обернулось и к лучшему.

– А что тебя задержало?

– Не торопись – узнаешь. Сегодня тебе нельзя много разговаривать… и много слушать – чтобы не утомляться. Так считает Элронд, – заключил маг.

– Да ведь говорить и слушать легче, чем думать. Думать-то утомительнее, – возразил Фродо. – Я уже, как видишь, пришел в себя и помню уйму непонятных событий. Что тебя задержало? Объясни мне хоть это!

*– **Всему свое время**, – ответил Гэндальф* [Муравьев 1999: 171].

Пошустова:

„Zdrželi mě,“ řekl Gandalf, „a to nás málem zničilo. A nakonec vlastně ne vím; možnáže to tak bylo lepší”

„Kdy by ste mi aspoň řekl, co se stalo!”…

*„**Všechno má svůj čas**! Elrond nakázal, že dnes nemá ša ni mluvit, ani si s ničím dělat starosti”* [Pošustova 1990: 256]. – *Všechno má svůj čas* (Всему свое время) [Копецкий 1976: 93]

(«Меня задержали, – сказал Гэндальф, – и это чуть нас не уничтожило. Хотя даже я сам не знаю; может и к лучшему, что всё так обернулось»

«Если бы ты хотя бы сказал мне, что случилось!» …

«**Всему своё время**! Элронд велел, чтобы ты сегодня не говорил и не заботился ни о чем»).

В данном случае все переводчики справились со своей задачей и при переводе традиционной английской пословицы нашли эквиваленты в пословичном фонде языка перевода.

Примечания

[1] *Имрам* — жанр древнеирландской литературы, повествующий о морских странствиях.

[2] *Библиотека Радклиффа (Radcliffe Camera)* — круглое здание с куполом, стоящее на площади Радклифф-сквер в Оксфорде.

[3] Видимо, Фрэнкли не нравятся выражения «having a great pant for» и «having great pants for», потому что в них отчетливо видно английское слово «pants» — «брюки; кальсоны».

[4] *Doink* — жаргонное английское слово с множеством значений.

[5] *Vita Fera* — лат. «дикая жизнь».

[6] *Снон* (в ориг. Sheave, др.-анг. Sceaf) — легендарный персонаж, предок королей в традиции германских народов.

[7] *Норманнский Застенок* (в ориг. Norman Keeps). — Это словосочетание можно прочесть не только как обычные английские имя и фамилию — Норман Кипс, но и как словосочетание «норманнские крепости». К. Толкин пишет, что у Нормана Кипса был прототип, который работал в одной из оксфордских парикмахерских и познакомил Дж. Р. Р. Толкина с точкой зрения на английскую историю, которую в «Записках» излагает Фрэнкли.

[8] *Энти Джеймсы… разумеет Яковов номер один и номер два…* — имеются в виду английские короли James I (1566 – 1625) и James II (1633 – 1701), чьи имена в русской традиции должны передаваться как «Яков» или «Иаков», но которых часто по ошибке называют «Джеймсами».

[9] *Битва при Камлане* — сражение, в котором погибли король Артур и Мордред.

[10] *Зигур* — имя Саурона на адунайке.

[11] *Ауламу* (в ориг.: Owlamoo) — это бука, которую придумал Майкл Толкин и которую Дж. Р. Р. Толкин нарисовал для сына в 1928 г.; но, конечно, Лаудем просто произносит странное бессмысленное слово.

В слове «owlamoo» отчетливо видно английское слово «owl» — «сова», и бука, нарисованная Толкином, действительно похожа на сову:

[12] *Он устремлен не в Сассекс…* — В Сассексе есть город Arundel, название которого никак не связано с именем «Эарендель».

[13] *Дюнкеркская операция* — операция в ходе Второй мировой войны по эвакуации с материка союзных войск, блокированных немцами возле французского города Дюнкерк. Около половины войск были спасены гражданским населением: рыбаками, паромщиками, владельцами яхт, катеров и др., откликнувшимися на призыв британских властей.

[14] *День великой победы в 937 году…* — имеется в виду битва при Брунанбурге (где-то на севере Англии или юге Шотландии), в которой англосаксы победили объединенную армию скандинавов и кельтов.

[15] *Битва при Малдоне* — сражение между англосаксами и вторгшимися в Англию викингами на реке Блэкуотер у города Молдон в восточной Англии (991 год).

[16] *Альбоин, сын Аудуина* — вождь германского племени лангобардов, основатель королевства лангобардов в Италии (по имени этого германского племени названа Ломбардия). Женился на Розамунде, дочери убитого им короля Кунимунда, которая организовала успешный заговор с целью убийства мужа.

[17] *Лошадиный друг Македонии.* — Эта шутка Лаудема — аллюзия на тезку Фрэнкли, царя Македонии Филиппа, отца Александра Великого, поскольку греч. «phil-ippos» означает

Я, конечно, осознаю, что этот отрывок сильно напоминает строки из середины «Морестранника», как обычно называют эту странную древнюю элегию. Но все-таки эти фрагменты отличаются друг от друга. В сохранившемся рукописном тексте мы имеем «elþéodigra eard» — «земли иноплеменные», а не «aelbuuina» или «ælfwina» (это более поздняя орфография), то есть «земли эльфвине, друзей эльфов». Я думаю, что мой текст, скорее всего, старше и лучше — как бы то ни было, грамматика и написание более древние, — но я и впрямь, как говорит Пип, навлеку на себя беду, если пошлю это в «серьезный журнал».

Совсем недавно я уловил отголоски строк, которые вовсе отсутствуют в сохранившихся фрагментах древнейшей английской поэзии.

Þus cwæð Ælfwine Wídlást Éadwines sunu:
Fela bið on Westwegum werum uncúðra,
wundra and wihta, wlitescéne land,
eardgeard ælfa and ésa bliss.
Lýt ænig wát hwylc his langoð síe
þám þe eftsíðes eldo getwæfeð.

«Так говорил Эльфвине Далекостранствовавший, сын Эдвине:

Много есть на западе мира того, что людям неведомо; чудеса и странные твари, [земля, приятная на вид], обитель эльфов и благость богов. Мало знают люди о тоске того, кому не дает вернуться старость».

Думаю, отец ушел, прежде, чем ему помешала Старость. Но что с сыном Эдвине?

Итак, на сегодня я сказал все, что хотел сказать. Потом, может быть, будет еще. Я работаю над этим материалом со всем усердием, насколько мне позволяет время и прочие обязанности, и всякое может произойти. В таком случае я непременно поставлю вас в известность. Вы уже столько всего вынесли, что, полагаю, захотите узнать и новости, если что-нибудь случится. Филип, возможно, ты утешишься, узнав, что рано или поздно мы оставим древнеанглийский в покое.

— Возможно, ты утешишься, Арри, — сказал Фрэнкли, — узнав, что впервые за все долгое время своего апостолата тебе удалось заронить в меня искру интереса к этому языку.

— Да что ты говоришь! — воскликнул Лаудем. — Знать, и впрямь творится нечто небывалое! Господи благослови! Дайте мне выпить, и я спою, как говаривали менестрели:

Fil me a cuppe of ful gode ale,	Да плещетъ въ чару добрый эль,
For longe I have spelled tale!	Зане пѣлъ долго менестрель!
Nu wil I drinken or I ende	Днесь я выпью брагу пѣнну,
That Frenche men to helle wende! [25]	Воеже франкъ пошелъ въ геенну!

Пение прервал Фрэнкли. В конечном итоге подобие мира было восстановлено, пострадал всего один стул. До конца вечера не произошло ничего подобающего или неподобающего.

2) *He (Mr. Maggot) backed the waggon into the lane and turned it. "Well, good night to you all," he said. "It's been a queer day, and no mistake. But* ***all's well as ends well****; though perhaps we should not say that until we reach our own doors. I'll not deny that I'll be glad now when I do."* (Он (г-н Мэггот) снова выехал на дорогу и развернул повозку. «Ну, доброй вам всем ночи, – сказал он. – Чудной был денек, что и говорить. Но все хорошо, что хорошо кончается: хотя, может, и не следует так говорить, пока не добрался до родного порога. Не отрицаю, что был бы рад сейчас там оказаться») [Tolkien 2000a: 72]. – *All is well that ends well* (Все хорошо, что хорошо кончается) [Митина 2002: 20].

Григорьева-Грушецкий:

Он быстро развернул повозку. – Доброй вам ночи. Денёк был не из самых спокойных, ну да ***всё хорошо, что хорошо кончается****. Правда, не кончилось ещё. И мне, и вам до дверей далеко. Пожалуй, я рад буду оказаться дома* [Григорьева 1991: 75]. – **Всё хорошо, что хорошо кончается** [Митина 2002: 20].

Муравьев-Кистяковский:

– Всем, стало быть, доброй ночи, – сказал он. – Надо же, денек выдался, рассказать – не поверят. Ладно, ***все хорошо, что хорошо кончается****, – вам-то еще, конечно, добираться… да и мне тоже; ну, поглядим* [Муравьев 1999: 85].

Пошустова:

Vycouval s vozem na cestu a obrátiljej. "Tak dobro unocvespolek," řekl."Byl to ale prazvláštní den. ***Ale konec dobrý, všechno dobré****; i když bych to radši neměl říkat, dokud všichni ne bude me doma. Nezapírám, žejá tam budu rád."* [Pošustová 1990: 117] – *Konec dobrý, všechno dobré* (**Хороший конец – все хорошо**) [URL: http://www.atingo.eu/download/prislovi_en. pdf]. (Он вернулся с повозкой на дорогу и развернул её. «Всем доброй ночи, – сказал он. – Это был очень странный день. Но **хороший конец – всё хорошо**; хотя лучше бы мне этого не говорить, пока мы все не окажемся дома. Не отрицаю, что я буду рад там оказаться»).

Еще одним чешским эквивалентом могла бы послужить пословица: *Dobrý konec vše napraví* (**Хороший конец всё исправит**) [Влчек 1974: 284].

Данный пример – употребление Толкином еще одной традиционной английской пословицы, не содержащей никаких реалий, поэтому и в чешском и в русском языках нашелся ей эквивалент.

2. Перевод с помощью аналога

Аналогом является та пословица, которая по смыслу аналогична английской, но основана на ином образе.

Случаев перевода пословиц с помощью аналога было найдено 8 в переводе В. Муравьева и А. Кистяковского, 4 в переводе Н. Григорьевой и В. Грушецкого и 2 в переводе С. Пошустовой.

Наиболее яркими примерами являются:

1) *“But I must admit,” he added with a queer laugh, “that I hoped you would take to me for my own sake. A hunted man sometimes wearies of distrust and longs for friendship. But there, I believe my looks are against me.”*

“They are – at first sight at any rate,” laughed Pippin with sudden relief after reading Gandalf’s letter. ***“But handsome is as handsome does****, as we say in the Shire; and I daresay we shall all look much the same after lying for days in hedges and ditches.”*

(«Но я должен признать, – прибавил он со странным смешком, – что вы, я надеялся, пойдете со мной просто из симпатии ко мне. Тот, кого преследуют, иногда утомляется от недоверия и жаждет дружбы. Хотя, думаю, вид мой говорит не в мою пользу».

«По крайней мере, с первого взгляда – так и есть, – засмеялся Пиппин, у которого после прочтения письма Гэндальфа резко отлегло от сердца. – Но **тот красив, кто красиво поступает**, как говорится у нас в Шире; и смею сказать, мы выглядели бы точно так же, прячась целыми днями по кустам и канавам») [Tolkien 2000a: 131]. – *Handsome is that (*или *as) handsome does* (**Красив тот, кто красиво поступает**) [Кунин 1984: 358].

Григорьева-Грушецкий:

– Правда, – он странно усмехнулся, – я надеялся завоевать ваше доверие без долгих личных историй. Тот, кому грозит опасность, рано или поздно устаёт подозревать всех и вся, ему просто хочется довериться первому встречному. Хотя вид мой, пожалуй, не слишком располагает к доверию.

– Это только поначалу, – рассмеялся Пиппин. Чтение письма привело его в весёлое расположение духа. – У нас в Шире говорят: ***не видом пригож, а делом хорош****. Побродили мы несколько дней в Пустоземье, вряд ли выглядели бы лучше* [Григорьева 1991: 128]. – Один из вариантов русской пословицы: **Не пригож лицом, да хорош умом** [Даль 1957: 96] или **Не тот хорош, кто лицом пригож, а тот хорош, кто на дело гож** [Зимин 1996: 29].

Мы считаем данный перевод адекватным, то есть передающим суть пословицы, заложенную автором. Пословица, опять же, имеет весьма распространенную тематику. Муравьев и Кистяковский перевели данную пословицу иначе: *перо соколье – нутро воронье*. Есть пословица *Сердце соколье, а смельство воронье* [Даль 1957: 169]. Таким образом, можно говорить об употреблении переводчиками окказионального варианта данной пословицы. Перевод адекватный, но он обладает большей выразительностью и эмоциональностью, чем оригинал. Добавляется и отсутствовавшая у Толкина образность, сравнение с птицами. Менее удачным оказался перевод С. Пошустовой, которая пословицу скалькировала: ***Ale hezký je, kdo hezky jedná*** [Pošustová 1990: 203] (Хорош тот, кто хорошо поступает). Но были случаи, когда именно чешская переводчица, в отличие от своих русских коллег, находила пословице удачное соответствие:

2) *“****It’s the job that’s never started as takes longest to finish****, as my old gaffer used to*

слова, которые у них на языке были как мясо, вино и мед. В особенности во время декламации. В их устах стихотворные строки звучали величественно, словно гром, несомый медлительным ветром, или поступь плакальщиков на похоронах короля. Мы только бормотать горазды. Но и это не новость для филологов — в теории; хотя одной теории мало, чтобы подготовить вас к восприятию на слух. И, конечно же, филологов могли бы серьезно заинтересовать мои отголоски весьма архаичного английского, даже раннего общегерманского — если бы их удалось убедить, что эти отголоски — подлинные.

— Вот фрагмент, который бы заинтриговал их. По форме он весьма древний, хотя я использую страшных значков меньше обычного. Но лучше взгляните сами, — и Лаудем извлек из кармана несколько клочков бумаги и передал их по кругу.

— Эти строки, «westra lage wegas rehtas, wraikwas nu isti», явились мне много лет тому назад, задолго до того, как я смог их перевести, и они постоянно повторялись во множестве вариантов: «westra lage wegas rehtas, wraikwas nu isti», «westweg wæs rihtweg, wóh is núþa», и так далее и тому подобное, во множестве обрывков и отголосков снов, во всем диапазоне от весьма древнего общегерманского до староанглийского: «прямой путь вел на запад, ныне он крив». Это словно ключ к чему-то, но к чему — я пока не знаю. Однако когда я рылся в неком ономастиконе [26] и размышлял над списком людей по имени Эльфвине, мне казалось, что я вижу и слышу самый длинный фрагмент из тех, что явились мне подобным образом. Конечно, я говорил, что я не визионер; но иногда древнеанглийский — исключение из этого правила. Вижу я не образы, но буквы: как будто иные слова и в особенности стихотворные фрагменты явственны очам разума, а не только слуху, словно когда-то и где-то я видел их написанными, так что еще немного — и припомню саму страницу. На оборотной стороне клочков, которые я вам раздал, я записал то, что мне явилось. Это произошло, когда мне было всего шестнадцать, еще до того, как мне случилось прочесть хоть какие-то древние стихи; но эти строки запали мне в память, и я записал их со всем старанием. Теперь архаичные формы интересны мне как филологу, но вот как они явились мне и вот откуда они взялись в моем дневнике за первое октября 1954 года. Вечер выдался ветреный: я помню, как ветер завывал вокруг дома, а издалека доносился голос моря.

Monath módaes lust mith meriflóda
forth ti foeran thaet ic feorr hionan
obaer gaarseggaes grimmae holmas
aelbuuina eard uut gisoecae.
Nis me ti hearpun hygi ni ti hringthegi
ni ti wíbae wyn ni ti weoruldi hyct
ni ymb oowict ellaes nebnae ymb ýtha giwalc.

Для меня это почти как голос моего собственного отца, что доносится из-за серых морей мира и времени:

Страсть души моей за морские теченья
правит меня в странствие, дабы дорогу искал я
за грозные гребни древних вод
к острову эльфовых другов на краю земли.
Длань не тянется к злату, не веселят жены,
Душу не тешит арфа, нет надежды в мире:
желаешь лишь волны буйства.

«г», когда используются отдельно. Соответствующее имя на адунайке, явно с тем же значением, — «Азрубэл». Кажется, большое количество имен существуют в виде двух аналогичных форм, как будто один народ говорил на двух языках. Если так, то, полагаю, эту ситуацию можно сравнить с использованием китайского в Японии или латыни в Европе. Как если бы человека могли звать и «Годвин», и «Теофилус» или «Амадеус». Но даже в таком случае в какой-то момент у нас было два разных народа.

Вот так. Надеюсь, вы не умираете со скуки. Я мог бы дать вам длинные списки других слов. Слова, слова, по большей части только отдельные слова. В основном значимые существительные, например «Исиль» и «Нилу» для Луны; меньше прилагательных, еще меньше глаголов, и лишь изредка — связные фразы. Я люблю эти языки, пусть они не более чем фрагменты из забытой книги. Я нахожу их оба до странности привлекательными, хотя аваллонский ближе моему сердцу. Адунайк со своим, так сказать, слегка семитским привкусом в некотором роде более тесно связан с нашим миром. Но я нахожу прекрасным простой и благозвучный аваллонский. И мне он кажется более благородным, более древним и, в общем, более сакральным и литургическим. Раньше я называл его «эльфийская латынь». Его отголоски уносят тебя далеко-далеко. Очень далеко. За пределы Средиземья, я бы сказал, — Лаудем смолк, как будто прислушиваясь к чему-то. — Но я не могу объяснить, что я имел под этим в виду, — закончил он.

Ненадолго наступила тишина, а затем заговорил Маркисон:

— Почему ты называл это язык эльфийской латынью? — спросил он. — Почему «эльфийская»?

— Я не вполне понимаю, — ответил Лаудем. — Как видится, по смыслу это самое близкое английское слово. Но я, конечно же, не имел в виду эльфов в каком-нибудь опошленном смысле слова, как повелось со времен Шекспира. Это нечто гораздо более величественное и мощное. Но мне не совсем ясно, что именно. По правде говоря, это одна из тех вещей, которые я больше всего хочу узнать. Каков смысл элемента «ælf» в моем имени?

Вы помните, я сказал, что древнеанглийский являлся мне вместе с тем, другим странным материалом, как будто между ними была некая странная связь? Что ж, древнеанглийский я позднее выучил по обыкновенным книгам: я начал систематически заниматься им еще до того, как мне стукнуло пятнадцать, отчего все и перепуталось. Но странное дело: хотя в словарях и лексиконах я нашел большинство моих слов, были и другие слова — которые до сих пор являются мне и которых в книгах нет. Например «Tíwas» [20] — другое название Валар Аваллона; и «Nówendaland» [21] — Нумэнорэ. И другие составные имена, например «Fréafíras» [22], «Regeneard» [23] и «Midswípen» [24]. Иные формы отличались особой архаичностью: например, «hebaensuil» — «столп небес» или «frumaeldi»; или очень древняя форма «Wihawinia» [25].

— Ужас какой… — вздохнул Фрэнкли. — Хотя мне, надо думать, следует быть благодарным, что до Вальхаллы с валькириями дело пока не дошло. Но лучше тебе поостеречься, Арри! Мы тут все друзья и не выдадим тебя. Но жди беды, если вынесешь эти архаизмы на улицу к своим скандальным конкурентам-филологам. Разве что, конечно, твои открытия подкрепляют их теории.

— Не переживай, — сказал Лаудем. — Я не намерен это печатать. И потом, мне покамест не попадалось ничего особенно сомнительного. Как ни крути, древнеанглийский очень близок во времени и пространстве, вдобавок его тщательно исследовали, пробелы не так велики, серьезно не промахнешься даже с произношением. То, что я слышу, более или менее соотносится с общепринятой доктриной. За одним исключением: речь такая медленная! По сравнению с нами, горожанами-тараторками, земледельцы и мореходы прошлого прямо-таки возглашали, смакуя

say. And I don't reckon that these folk can do much more to help us, magic or no. It's when we leave this land that we shall miss Gandalf worse, I'm thinking." (**Неначатая работа дольше всего не кончается**, как говаривал мой старик. И я не рассчитываю, что эта публика нам может чем-то еще помочь – магией или не магией. Думаю, что нам будет еще сильнее не хватать Гэндальфа, когда мы отсюда уйдем) [Tolkien 2000a: 278].

Пошустова:

*"**Kdo ne začne, ne skončí**," říkával náš Kmotr. A počítám, že tady užnám mocne pomůžou, s kouzly nebo bez kouzel. Ale až ode jdeme, potom nám bude Gandalf te prve scházet, aspoň myslím.* [Pošustová 1990: 420]. – *Kdo ne začne, ne skon*čí (Кто не начнет, не закончит) [URL: http://prislovi.info/index.php?stranka=italska&od=60]. («**Кто не начнёт, не закончит**, поговаривал наш Крёстный. И я считаю, что они нам особо не помогут, с колдовством или без колдовства. Но как только мы уйдем, так сразу нам будет очень не хватать Гэндальфа; по крайней мере, я так думаю»)

Дословный перевод оригинала был бы связан с работой, данный аналог же не сохраняет образа, заложенного Толкином, но вполне удачно передает смысл фразы. К тому же переводчица нашла аналог не для традиционной пословицы, а для авторской пословицы, созданной Толкином.

Данное выражение было построено по известной в английском языке пословичной модели *It's the smth that does smth: It's the first step that costs; It's the last straw that breaks the camel's back; It's the unexpected that always happens* [Модестов 2000: 154]. И, в отличие от чешской переводчицы, русские переводчики аналога не нашли, а создали собственные окказионализмы: *Сидя сиднем дела не сделаешь* (Муравьев и Кистяковский) [Муравьев 1999: 288], *Неначатая работа долго тянется* (Григорьева и Грушецкий) [Григорьева 1991: 270].

Следующий пример показывает, что порой русские переводчики находили аналоги пословицам, в то время как С. Пошустова это сделать затруднилась и прибегала к иным средствам:

3) *"It is very great", said the scout. "**He that flies counts every foeman twice**, yet I have spoken to stouthearted men, and I do not doubt that the main strength of the enemy is many times as great as all that we have here"* («Оно очень велико, – сказал разведчик. – **При бегстве каждого врага считаешь за двух**, но я говорил с людьми мужественными, и не сомневаюсь, что основные силы врага во много раз превосходят те, которыми мы здесь располагаем») [Tolkien 2000b: 91].

Муравьев-Кистяковский:

*– Огромное полчище, – сказал разведчик. – **У страха**, конечно, **глаза велики**, но я говорил с опытными и хладнокровными воинами, и, по их словам, даже головной отряд орков во много раз больше всей нашей рати* [Муравьев 1999: 416]. – **У страха глаза велики** [Даль 1957: 786].

Григорьева-Грушецкий:

*– Намного больше, чем нас, повелитель, – сказал разведчик. – Я знаю, **у страха глаза велики**, но я говорил со старыми воинами. Силы врага в несколько раз превосходят наши* [Гри-

горьева 1991: 379].

На наш взгляд, аналог был найден весьма удачно и вполне передает суть пословицы, созданной Толкином, в то время как С. Пошустова предпочла дословно следовать оригиналу и применила метод калькирования ***Kdo utíká, počítá každého nepřítele dvakrát*** [Pošustová 2006: 134] (Кто убегает, дважды считает каждого врага).

3. Перевод с помощью замены

Замена подразумевает перевод пословицы из оригинала пословицей языка перевода, имеющей иной смысл. Подобных примеров (как и в случае с фразеологизмами) было сравнительно мало. Н. Григорьева и В. Грушецкий заменили пословицы всего 4 раза, В. Муравьев и А. Кистяковский – 13 раз, а С. Пошустова – всего 1 раз.

1) *"And ere morning it will be in the East," said Legolas. "But rest if you must. Yet do not cast all hope away.* ***Tomorrow is unknown****. Rede oft is found at the rising of the Sun."* («К утру ветер подует с востока, – сказал Леголас. – Но отдыхайте, если вам нужно. И не оставляйте надежды. **Завтрашний день неведом**. Часто верное решение приходит к нам на рассвете») [Tolkien 2000b: 14]. Данная пословица в доступных словарях обнаружена не была, возможно, это трансформация от традиционной английской пословицы *Tomorrow is another day* [Oxford 2004: 295].

Григорьева-Грушецкий:

– К утру он сменится на восточный, – обнадёжил эльф. – Отдохните пока. Не зря говорят: ***утро вечера мудренее*** [Григорьева 1991: 314]. – **Утро вечера мудрее** [Даль 1957: 884].

В данной пословице заложено как минимум две мысли: во-первых, то, что будущее неведомо, а, во-вторых, то, что оно переменчиво, и в грядущем дне всегда есть надежда на лучшее, но переводчики передали лишь вторую мысль, заложенную в пословице и эксплицированную во фразе *Rede oft is found at the rising of the Sun,* достаточно близкой по смыслу к **Утро вечера мудренее**.

2) *That was Gandalf, if you know who I mean. A wizard they say he is, but he's a good friend of mine, whether or no. But now I don't know what he'll have to say to me, if I see him again: turn all my ale sour or me into a block of wood, I shouldn't wonder. He's a bit hasty.* ***Still what's done can't be undone*** (Это был Гэндальф, если вы знаете, кого я имею в виду. Говорят, он волшебник, но волшебник или нет, а мне он друг. Но теперь я и не знаю, что он мне скажет, когда мы снова свидимся: не удивлюсь, если он заставит прокиснуть все мое пиво или превратит меня в деревяшку. Он несколько горяч. **Но что сделано, то сделано**) [Tolkien 2000a: 127]. – *What's done can't be undone* (**Что сделано, то сделано**) [NTC 1993: 229].

Пошустова:

Přece Gandalf, jestli víte, koho myslím. Říkají, že je čaroděj, ale je to můj dobrý přítel, čaroděj

приходит тебе в голову; но поскольку ты господин и повелитель, твоя прихоть — закон, и у тебя может возникнуть желание получать удовольствие снова и снова, чтобы оно не тускнело. Скорее всего, ты все время будешь копаться в мелочах, переделывать, совершенствовать и колебаться сообразно своему лингвистическому настрою и переменам вкуса.

Со словами-привидениями все обстоит совершенно по-другому. Они приходят готовыми, звуковая форма и значение уже неразрывно связаны. Я ничего не могу с ними сделать, точно так же, как я не могу изменить звуковую оболочку или значение греческого слова «полис». Многие слова-привидения я за свою жизнь слышал не раз и не два. Ничего не меняется, разве что, от случая к случаю, моя орфография. Сами слова не меняются. Они остаются прежними, неизменными, и я не могу их переделать. Иначе говоря, они имеют вид и вкус слов настоящих языков. Но можно предпочитать один реальный язык другому, и, как я сказал, мне больше нравится язык «А».

И «А», и «Б» для меня каким-то образом связаны со словом «Нумэнор». С течением лет список всякой всячины удлинился, и теперь я вижу, что помимо всякого неопознанного материала он содержит немало отголосков эха — позднейших форм языка, происходящего от «А» и «Б». Нумэнорские языки — языки древние, древние и архаичные; для меня они отдают Старейшим Светом. Прочее — изношено, истерто, тронуто утратами и горечью сих берегов изгнания.

Последние слова Лаудем произнес со странной интонацией, словно говорил сам с собой. Потом его голос умолк.

— Я нахожу, что это нелегко понять или переварить, — сказал Стейнер. — Ты не мог бы объяснить попонятнее, чтоб было над чем помозговать помимо этой алгебры А и Б?

Лаудем снова поднял взгляд.

— Да, мог бы, — произнес он. — Я не стану докучать вам позднейшими отголосками. Я нахожу их в некотором роде трогательными и полезными с точки зрения теории: я начинаю различать законы, или направления того, как менялись слова по мере старения мира; однако даже филологу это было бы непонятно, разве что в письменном виде и с длинными списками параллелей.

Но давайте начнем с названия «Нумэнорэ», или «Нумэнор» — встречаются оба варианта. Оно принадлежит языку «А». Означает оно «Западный край» и состоит из элементов «нумэ» — «запад» и «норэ» — «народ» или «страна». Но в языке «Б» мы имеем слово «Анадунэ», название народа — «адунайм»: оба слова происходят от «адун» — «запад». Эта же страна — так я думаю – имеет и иное имя: в «А» — «Андорэ», а в «Б» — «Йозайан», оба слова означают «Земля Дара».

Кажется, здесь между «А» и «Б» нет ничего общего. Но есть несколько слов, которые в обоих языках одни и те же либо очень похожи. «Небо» или «небеса» в языке «А» будет «мэнэль», а в «Б» — «миниль»: другая форма этого слова входит в состав названия «Минул-тарик» — «Столп небес», о котором я недавно упоминал. И, кажется, существует какая-то связь между словом «валар» в «А» — оно, вроде бы, означает что-то вроде «Силы», мы бы, возможно, сказали «боги», — и существительным множественного числа «Авалойм» и топонимом «Аваллони» в «Б». Хотя это слово из языка «Б», для меня оно, как ни странно, ассоциируется с языком «А». Так что если хотите избавиться от алгебры, можете называть язык «А» аваллонским, а язык «Б» — адунайком. Сам я так и поступаю.

Имя «Эарэндиль», кстати, принадлежит аваллонскому и содержит элемент «эарэ» — «открытое море» и основу «-ндиль» — «любовь, привязанность»; может показаться странным, но множество основ аваллонского начинаются с «нд», «мб», «нг», которые теряют «д», «б» или

с этим поделать: и если это хоть сколько-то заслуживает вашего внимания, лучше разобраться как следует.

Итак, вначале я понял, что многие «привидения» родом из древнеанглийского или в родстве с ним. Оставшиеся слова я вынес в две списка, «А» и «Б», сообразно их стилю, и еще сделал третий список, «В», для всякой всячины, которая, как мне виделось, не лезла в прочие списки. Но по-настоящему меня привлекал язык «А»; он просто был в моем вкусе. Он мне и по сей день нравится больше всего.

— В таком случае ты уже должен был как следует его разработать, — произнес Стейнер. — Нет ли у тебя «Грамматики и словаря Лаудемова языка „А“» на почитать? Я бы взглянул на нее не без интереса, если только она не написана какими-нибудь ужасными фонетическими значками.

Лаудем уставился на него, но сдержал вспышку, которая казалась неотвратимой.

— Ты нарочно упускаешь из виду главное? — спросил он. — Я же об стену бьюсь, пытаясь объяснить, что не считаю все это «придумкой», по крайней мере — не моей собственной.

Возьмем для начала древнеанглийский. Это единственный известный язык, который явился мне подобным образом, что само по себе странно. И он начал являться еще до того, как я узнал, что это за язык. Я узнал в нем древнеанглийский лишь после того, как начал учить его по книгам, и с удивлением обнаружил, что уже знаю множество древнеанглийских слов. Ведь немало слов-привидений в самом первом из моих детских блокнотов, — явно попытки начинающего со слуха записать древнеанглийские слова современными буквами. Например, «wook», «woak», «woof» — «кривой, изогнутый» — это со всей очевидностью первая попытка записать древнеанглийское «wōh».

Что до прочего материала, то у языка «А», который нравится мне больше всего, список слов самый короткий. Как бы я хотел знать больше! Но это от меня не зависит, Стейнер. Этот язык не относится к тем, что придумал я сам. Я создал два-три языка, и они закончены, насколько это возможно; но это совсем другое дело. Однако мне лучше закончить с автобиографией и взяться за настоящее.

Теперь мне ясно, что оба языка, «А» и «Б», не имеют ничего общего ни с единым языком из тех, о которых я в обыденной жизни когда либо слышал или на которые когда-либо натыкался в книгах. Ничего. Насколько для любого языка с фонетической системой в пару дюжин звуков, как в случае с «А», возможно не походить на любой другой совершенно неродственный язык. И с языками, которые я придумал, «А» и «Б» тоже не им имеют ничего общего. Язык «Б» вдобавок совершенно чужд моему собственному стилю. Язык «А» весьма мне по вкусу (что, возможно, помогало над ним работать), но существует он совершенно независимо от меня; я не могу его «разрабатывать», как ты выразился.

Всякий, кому случалось проводить (или потратить) время, занимаясь созданием языка, меня поймет. Прочие, скорее всего, нет. Когда творишь язык, ты свободен, чересчур свободен. Нелегко подогнать значение под некую последовательность звуков, и еще труднее подогнать последовательность звуков под любое нужное значение. Говоря «подогнать», я не имеют в виду, что вы не можете связывать форму и смысл произвольно, по собственному хотению. Скажем, вам хочется создать слово, которое бы значило «небо». Ну так пусть небо будет «тарыбары» или что бы там ни пришло вам в голову без посредства лингвистического вкуса или искусства. Но так придумывают код, а не создают язык. Совсем другое дело — найти такую связку «звуки плюс значение», которая бы вас устроила, — только тогда она будет прочной. Когда просто изобретаешь, получаешь удовольствие или забавляешься лишь в тот момент, когда эта связка

nebo ne. Ale teď nevím, co mi řekne, až ho zaseu vidím; ne divil bych se, kdy by mi ne chal zkysnout všecko pivo nebo kdy by mě proměnil ve špalek dřeva. Je trochu ukvapený. ***Ale už se stalo***. [Pošustová 1990: 198]. (Ведь это был Гэндальф, если вы понимаете, о чем я. Говорят, что он волшебник, но это мой хороший друг, волшебник он или нет. Но теперь я не знаю, что он мне скажет, когда я его снова увижу; я бы не удивился, если бы он мне всё пиво сквасил, или меня обратил в чурбан деревянный. Он немного вспыльчивый. **Но всё уж случилось / Сделанного не воротишь**)

В данном случае чешская переводчица решила заменить полноценную пословицу со смыслом «сделанного не воротишь» присказкой со схожим значением. Хотя в чешском языке и имеется полноценная пословица *Co se stalo, stalo se* – что случилось, то случилось [Копецкий 1976: 367].

3) *Elves seldom give unguarded advice, for* ***advice is a dangerous gift, even from the wise to the wise****, and all courses may run ill. But what would you? You have not told me all concerning yourself; and how then shall I choose better than you? But if you demand advice, I will for friendship's sake give it* (Эльфы редко дают неосторожные советы, ибо **совет – дар опасный, даже совет мудрого мудрому**, и любой путь может завести не туда. Но чего ты хочешь? Ты не рассказал мне всего о себе, так как же я могу сделать более правильный выбор, чем ты? Но если ты просишь совета, ради дружбы я его дам) [Tolkien 2000a: 61].

Муравьев-Кистяковский:

И зря: ***всякий совет к разуму хорош****, а любой путь может обернуться бедою. Потому-то мы на ветер советов не бросаем. А за тебя мне трудновато выбирать: ты же о своих делах молчишь. Ну, все же рискну, дружбы ради* [Муравьев 1999: 75]. – **Всякий совет к разуму хорош** [Даль 1957: 554].

В данном случае произошла замена переводчиками авторской пословицы, причем, на наш взгляд, некорректная, поскольку смысл пословицы кардинально поменялся. В этом заключается тенденция перевода Муравьева и Кистяковского, они чаще других переводчиков добавляли что-то своё в текст, искажая тем самым оригинал. Конечно, хорошо, что переводчики нашли уже готовую пословицу в пословичном фонде языка перевода, но таким образом они предпочли погоню за образностью в ущерб смыслу, заложенному Толкином.

4. Перевод калькированием

Относительно пословиц, самую значительную группу в рассматриваемых нами способах перевода составляет калькирование, то есть дословная или почти дословная передача образной единицы. Неудивительно, что это был самый распространенный вид перевода пословиц, поскольку большинство единиц являлись авторскими, и им изначально не могло существовать эквивалентов в других языках. Григорьева и Грушецкий к такому методу прибегли 42 раза. Муравьев и Кистяковский калькировали толкиновские пословицы 21 раз, а чешская переводчица – 78 раз.

Поскольку это был превалирующий способ перевода, долго искать примеры не при-

шлось, причем очень часто калькирования были использованы одновременно в трех переводах:

1) *“There’s going to be no fun, I tell you,» said Shagrat. «And he’s got to be kept safe, or we’re all as good as dead”.*

“All right! But if I were you, I’d catch the big one that’s loose, before you send in any report to Lugbúrz. It won’t sound too pretty to say ***you’ve caught the kitten and let the cat escape****”.*

(«Тут не до веселья, говорят тебе! – сказал Шаграт. – Он должен оставаться в целости и сохранности, не то нам крышка!»

«Ну ладно! Но на твоем месте я бы поймал того, большого, что остался на свободе, прежде чем отсылать рапорт в Лугбурз. Не слишком-то хорошо будет выглядеть, что ты **поймал котенка, а кота упустил**») [Tolkien 2000b: 246].

Данная пословица авторская, и все переводчики применили метод калькирования:

Григорьева-Грушецкий:

– Никаких забав, говорят тебе! – разозлился Шаграт. – Его нужно беречь, иначе нам всем несдобровать.

– Ладно уж. Но на твоем месте я бы сначала изловил того, большого, что бегает на свободе, а тогда уж посылал сообщение. Вряд ли тебя похвалят, если узнают, что ***котенка ты поймал, а кота выпустил*** [Григорьева 1991: 519].

Муравьев-Кистяковский:

– А я тебе говорю, забавляться не будем, – пробурчал Шаграт. – Если он в уме повредится, то все мы, считай, мертвецы.

– Ладно, ладно, не пугай! Я бы на твоем месте обложил другого, здоровяка, а пока чего даже и в Лугбурз не докладывал бы. Там ведь косо посмотрят на то, что ты ***изловил котенка и упустил кота*** [Муравьев 1999: 581].

Пошустова:

„Povídám ti, že žádná le grace ne bude,“ řekl Šagrat. „A musízů stat v pořádku, nebo je ponás.“

„No jo! Ale bejt tebou, tak chytím toho velkýho, co tu běhá, než pošlu hlášení do Lugbúrzu. Ne bude znít mo chezky, že ***jsi chytil kotě a kočku pustil****.“* [Pošustová 2006: 362]. («Я тебе говорю, будет уже не до шуток, – сказал Шаграт. – И он должен остаться нетронутым, или с нами покончено».

«Это да! Но на твоём месте я бы поймал того большого, который тут бегает, прежде чем посылал сообщение в Лугбурц. Не слишком хорошо прозвучит, что ты **схватил котенка, а кошку упустил**»)

2) *Remember that! For you are now sworn to his service. I do not know what put it into your head, or your heart, to do that. But it was well done. I did not hinder it, for* ***generous deed should not be checked by cold counsel****. It touched his heart, as well (may I say it) as pleasing his humour. And at*

«Ауривандало», и в самом деле, по-моему, зафиксировано как лангобардское имя. Странное дело: опять эти лангобарды.

— Так, — сказал Лаудем. — Но в данный момент меня интересует не это. Я вот что хочу сказать: я часто слышал слово «эарендель» или, если точнее, «эарэндиль» на другом языке, на котором оно, как ни странно, означает «Великий мореход», или, буквально, «Друг моря»; хотя мне кажется, что оно еще как-то связано со звездами.

— Что это за язык? — спросил Маркисон, хмуря брови. — Не думаю, что мне случилось с ним столкнуться (а ему в свое время случилось «столкнуться» (в смысле «интересоваться») с более чем сотней языков).

— Нет, не думаю, что этот язык тебе встречался, — сказал Лаудем. — Это неизвестный язык. Но лучше я объясню все по порядку.

Со времени отплытия отца я начал испытывать странные переживания, которые не оставляют меня долгие годы, и постепенно эти ощущения делаются все отчетливей: можно сказать, что меня навещают лингвистические привидения. Да, точно. У меня не бывает видений. Конечно, мне, как и другим людям снятся сны-картинки, но только такие, которые Рэймер назвал бы «неразберихой несущественного», вдобавок они редки и быстротечны: это, во всяком случае, означает, что я не запоминаю увиденного. Но со времени, когда мне было десять лет, во сне и наяву, когда я погружен в себя, мне слышатся слова, а иногда — целые фразы. Они приходят мне в голову непрошеные, или я просыпаюсь, слыша, как сам их повторяю. Иногда это слова, лишенные всякой видимой взаимосвязи, просто слова или имена. Иногда что-то вдруг «приводит сон на память», как говаривала моя мать: и кажется, будто слова неким странным образом связаны с тем, что видишь наяву, и мимолетное движение или преходящая игра света вдруг уносят меня в совершенно иные сферы мысли или воображения. Как с Библиотекой Радклиффа тогда, в марте, если помнишь, Рэймер.

Глядя на изображение конической горы, вздымающейся над лесистым нагорьем, я услышал собственное восклицание «Оставлена Минул-Тарик, покинут Столп Небес!» — и знал, что это ужасно. Но самое зловещее — это Орлы Владык Запада. Когда я их вижу, это производит на меня тяжелейшее впечатление. Я бы мог, мог… я чувствую, что мог бы поведать великую повесть о Нумэноре.

Но я поторопился. Немало воды утекло, прежде чем я начал собирать эти фрагменты воедино. По большей части — и так было всегда — за этими «словами-приведениями», по всей видимости, не стоит никакой системы: они как слова, которые глаз выхватывает из словаря, когда ищешь в нем что-то другое. Они начали являться, как я сказал, когда мне было лет десять; и почти сразу я начал их записывать. Поначалу, конечно, неумело. Даже взрослые люди, как правило, делают ошибки в простейших словах, если не видели их раньше на письме, разве что у них имеется хоть какое-то представление о фонетике. У меня до сих пор хранится несколько истрепанных блокнотиков, которыми я пользовался еще ребенком. Это, конечно, лишенная систематичности каша; ведь я лишь время от времени занимался такого рода вещами. Но позже, когда я повзрослел и обзавелся кой-каким лингвистическим опытом, я начал уделять своим «привидениям» серьезное внимание и увидел, что они ничего общего не имеют с игрой в придумывание собственного языка.

Как только я начал их, так сказать, высматривать, привидения стали являться все чаще и делаться все отчетливее; и когда я записал приличное количество слов, я заметил, что они не все одинаковы: у них разные фонетические стили, столь же несхожие, как, скажем, у латыни и древнееврейского. Я сожалею, если все это кажется вам слишком сложным. Ничего не могу

комбинаций. Оно ведь не только в Англии встречается, верно?

— Верно, — отозвался Лаудем. — И «Эадвине» тоже. Я бы не сказал, что нам подходит хоть один человек из тех, что звались «Эльфвине»: взять, к примеру, Эльфвине, внука короля Альфреда, который пал в день великой победы в 937 году [14]; или Эльфвине, который погиб в битве при Малдоне, знаменитом поражении [15], а также многих других; даже Эльфвине из Италии, то есть Альбоина, сына Аудуина [16], грозного лангобарда, жившего в шестом веке.

— Не забудь о связи лангобардов с королем Снопом, — вставил Маркисон, который начал выказывать признаки интереса.

— Не забуду, — откликнулся Лаудем. — Но я говорил о том, что узнал еще в юности.

— И еще повторение последовательности: Альбоин, сын Аудуина; Эльфвине, сын Эадвине; Алуин, сын Эдвина, — произнес Рэймер.

— Это наверняка нарочно, в подражание хорошо известной истории о Розамунде, — возразил Филип Фрэнкли. — Должно быть, отец Арри знал ее, что вполне объясняет Алуина и Эльфвине, раз уж имеешь дело с семьей филологов-германистов.

— Может статься, о Лошадиный друг Македонии! [17] — произнес Лаудем. — Однако Эаренделя это не объясняет. В древнеанглийском о нем мало что есть, хотя само имя, конечно, существует. Иные полагают, что на самом деле это название звезды — Ориона или Ригеля. Луч, сияние, свет зари — вот что говорится в глоссах [18].

— «Éalá Éarendel engla beorhtost ofer middangeard monnum sended!» — процитировал он. — «Привет тебе, Эарендель, ярчайший из ангелов, над средиземьем людям посланный!». Когда я напал на эту цитату в словаре, я ощутил странный трепет, как будто что-то шевельнулось во мне, наполовину пробудившись ото сна. За этими словами стояло нечто очень далекое, странное и прекрасное — если бы я мог уловить это, — далеко за пределами староанглийского.

Конечно, теперь я знаю больше. Это цитата из поэмы «Христос», хотя не вполне понятно, что именно имел в виду автор [19]. Эти слова прекрасны и на своем месте. Но я не думаю, будто проявлю неуважение, сказав, что своей необычайной способностью трогать душу эти слова обязаны иному, более древнему миру.

— Где же тут неуважение? — спросил Маркисон. — Даже если эти слова и в самом деле относятся к Христу, они, конечно же, происходят из более древнего, дохристианского мира, как весь остальной язык.

— Это так, — сказал Лаудем. — Но мне кажется, что «Эарендель» — это особенное слово. Не древнеанглийское; или, по крайней мере, не только древнеанглийское, оно принадлежит и другому, гораздо более древнему наречию.

Думаю, это примечательный случай лингвистического совпадения, или согласованности. Безусловно, такие вещи случаются. Я хочу сказать, что в двух разных языках совершенно независимо и безо всякой возможности заимствования могут обнаружиться слова, очень похожие как по звуковой форме, так и по смыслу. Обычно их считают не более чем случайностью; и осмелюсь сказать, что иные из этих пар интереса не представляют. Но мне чудится, что порой они — результат скрытого процесса созидания символа, который стремится разными путями к единой цели. В особенности когда результат прекрасен, а значение — поэтично, как в случае с Эаренделем.

— Если я правильно все понял, — произнес Маркисон, — то, полагаю, ты пытаешься сказать, что открыл слово «Эарендель» или нечто в этом роде в каком-то языке, не связанном с древнеанглийским узами родства, и не рассматриваешь все остальные формы этого имени, которые имеются в древних языках, родственных английскому. Хотя одно из них,

least you are free now to move about as you will in Minas Tirith – when you are not on duty. For there is another side to it. You are at his command; and he will not forget. Beware still! (Помни это! Ибо ты отныне дал присягу служить ему. Я не знаю, как ты до этого дошел, умом или сердцем. Но это было хорошо. Я не вмешался, поскольку **великодушный поступок не должен обуздываться холодным наставлением**. Это тронуло его сердце, да и (смею сказать) порадовало. Так или иначе, ты теперь смело можешь ходить куда хочешь по всему Минас Тириту, когда ты не на службе. Но здесь ведь есть и обратная сторона. Ты в его распоряжении, и он не забудет об этом. Смотри же!) [Tolkien 2000c: 10].

Данная пословица также создана Толкином, и при переводе во всех трех вариантах были использованы кальки:

Григорьева-Грушецкий:

Для тебя полезно помнить об этом - ведь ты принес ему клятву. Уж не знаю, что тебя надоумило, но сделано было от души и, по-моему, тронуло Денетора и, кажется, позабавило. Я не вмешивался, ибо ***великодушные порывы не нуждаются в холодных советах****. Во всяком случае, теперь после дежурств ты свободно можешь разгуливать по всему Минас Тириту. Но отныне ты всецело подчиняешься Правителю, и он об этом не забудет. Так что держи ухо востро!* [Григорьева 1991: 527].

Муравьев-Кистяковский:

Так что держись, ты накрепко связан клятвою. Не знаю, как это взбрело тебе на ум – наверно, сердце подсказало. Но это было ко времени, да и ***нельзя гасить благородный порыв трезвым остережением****. Ты его тронул, а пожалуй, что и польстил ему. Во всяком случае, ты волен теперь разгуливать по Минас-Тириту, когда позволит служба. А служба отнюдь не всегда позволит: ты теперь его подданный, и он о тебе не забудет. Будь осмотрительнее!* [Муравьев 1999: 592].

Пошустова:

Na to pamatuj! Přísahal jsi mu přece službu. Nevím, co ti to vnuklo do hlavy nebo do srdce. Ale proved jsi to hezky. Ne bránil jsem tomu, pro tože ***šlechetným skutkům by ne měla bránit chladná rada****. Dojalo to jeho srdce a také (řekl bych) ho to pobavilo. A přine jmenším mášteď aspoň svobodu pohybu v Minas Tirith – když ne budeš ve službě. Má to totiž i svou druhou stránku. Podléháš jeho příkazů ma on na to ne zapomene. Buď pořádo stražitý!* [Pošustová 2007: 23] (Помни это! Ведь ты присягал служить ему. Не знаю, как взбрело это тебе в голову или в сердце. Но ты всё сделал хорошо. Я не препятствовал этому, поскольку **благородным поступкам не следует препятствовать холодными советами**. Это тронуло его сердце и также (как мне кажется) немного его позабавило. И как минимум теперь ты можешь свободно передвигаться по Минас Тириту – когда не будешь нести службу. Хотя есть и обратная сторона. Ты обязан ему повиноваться, и он этого не забудет. Будь всегда осторожен!)

Данные переводы, на наш взгляд, несмотря на то, что был применен метод калькирования, являются адекватными, поскольку они сохранили содержание и мораль пословицы, а также её стилистические особенности.

5. Описательный перевод

Описательный перевод пословицы означает, что в языке перевода она передана свободным сочетанием слов, смысл остался тем же, однако выражен обычной фразой, а не пословицей. В этом случае опять же неизбежна утрата образности, а значит, и экспрессивной выразительности оригинала; однако, как видно в приведенных ниже примерах, переводчики, как правило, стремились компенсировать утрату пословицы в тексте иными средствами речевой выразительности. Н. Григорьева и В. Грушецкий использовали с пословицами метод описания 21 раз, В. Муравьев и А. Кистяковский – также 21 раз, а Станислава Пошустова – всего лишь 7 раз.

1) *Many that live deserve death. And some that die deserve life. Can you give it to them? Then do not be too eager to deal out death in judgement.* ***For even the very wise cannot see all ends*** (Многие из тех, кто живет, заслуживают смерти. И некоторые из тех, кто умирает, заслуживают жизни. Ты можешь дать ее им? Тогда не слишком стремись раздавать смертные приговоры. Ибо **даже весьма мудрые не могут предвидеть всех развязок**) [Tolkien 2000a: 42].

Григорьева-Грушецкий:

Многие из живущих заслуживают смерти, а многие из умерших – жизни. Ты можешь вернуть ее им? То–то же. Тогда не спеши осуждать и на смерть. Никому, даже мудрейшим из Мудрых, ***не дано видеть все хитросплетения судьбы*** [Григорьева 1991: 45].

На этом примере отчетливо видно, что даже при переводе нефразеологическими средствами переводчики пытаются добавить образности при переводе авторской пословицы, в данном случае реализуя это такими высокопарными словосочетаниями, как хитросплетения судьбы и мудрейшие из Мудрых, причем, начиная слово Мудрых с прописной буквы, что отсутствовало в оригинале.

2) *"It is said that* ***the skill of the Dwarves is in their hands rather than in their tongues,*** *" she said; "yet that is not true of Gimli. For none have ever made to me a request so bold and yet so courteous. And how shall I refuse, since I commanded him to speak? But tell me, what would you do with such a gift?"* («Говорят, что **искусство гномов в их руках, а не в их языках**, – сказала она, – но это не о Гимли. Ибо никто доселе не обращался ко мне с просьбой столь же дерзновенной, сколь и учтивой. И как мне в ней отказать, если я велела ему говорить? Но скажи мне, как ты поступишь с таким даром?») [Tolkien 2000b: 289].

Пошустова:

"*Říká se, že* ***trpaslíci mají obratnější ruce než jazyky****," řekla, "ne platí to však o Gimlim. Nikdo mi nikdy ne přednesl žádost tak smělou, a přece tak dvornou. A jak mohu odmítnout, když jsem*

Вспоминаю один из немногих наших с ним разговоров, который случился как раз перед тем, как отец отправился в плаванье последний раз. Я умолял его взять меня с собой, и он, конечно, ответил «нет». «А когда мне будет можно?» — спросил я. «Пока нельзя, Эльфвине, — сказал отец. — Пока нельзя. Возможно, через некоторое время. Или, быть может, тебе придется отправиться вслед за мной».

Тогда-то и зашла речь о моих именах. «Я их модернизировал, — сказал он, — чтобы избавиться от хлопот. Но мой корабль носит более правильное имя. Он устремлен не в Сассекс [12], но к берегам куда более далеким. И в самом деле очень далеким — ныне. Сейчас у человека больше свободы в выборе имени для своего корабля, чем имени для своего сына. И мало у кого из людей есть кому дать оба».

Отец отплыл на следующий день. Он с ума сходил от желания вновь отправиться в море, ведь ему пришлось просидеть на берегу всю Шестилетнюю войну, начиная с лета 1939, если не считать дюнкеркской операции 1940-ого года [13]. Слишком стар — ему стукнуло пятьдесят, когда началась война, и мне был всего год, ведь женился отец поздно. Слишком стар — и, как мне кажется, слишком уж независимый и непокорный, чтобы найти какую-нибудь работу. Он страшно извелся. Он взял с собой лишь трех матросов, по-моему, но я не имею совершенно никакого понятия, как отец их нашел или как они вообще смогли отправиться в плаванье в те деспотические дни. Мне представляется, что они просто убрались каким-то образом безо всякого разрешения. Хотел бы я знать куда. Не думаю, что они собирались вернуться. Как бы то ни было, больше я отца не видел.

— Я пока вообще не понимаю, какое отношение эта нить имеет ко всему остальному, — произнес Гилдфорд.

— Подожди немного! — откликнулся Рэймер. — Связь есть, по крайней мере, мы так думаем. Мы это обсуждали, а ты лучше дай Арунделу досказать.

— Так вот, когда отец пропал… Тогда мне было всего девять, как я сказал, и я никогда особо не интересовался книгами, а уж тем более — языками, что естественно для этого возраста. Я, конечно, умел читать, но читал редко… Когда отец пропал и мы поняли, что навсегда, я увлекся языками, в особенности языкотворчеством (как я думал). Через какое-то время я стал захаживать в его кабинет, который не трогали много лет, оставив его таким, каким он был при жизни отца.

Там я безо всякой системы узнал много необычного и натолкнулся на нечто вроде дневника или заметок, написанных странными письменами. Не знаю, что с ними сталось после смерти матери. В бумагах, что достались мне, я нашел лишь один лист. Я хранил его много лет и часто пытался прочесть, но так и не смог. Потом куда-то заложил. Мне было четырнадцать-пятнадцать, когда я по некой причине особо увлекся древнеанглийским. По-моему, мне пришелся по вкусу стиль слов. Мне нравилось не столько то, что было на нем написано, сколько аромат самих слов. Однако впервые я столкнулся с древнеанглийским, когда пытался больше узнать о своих именах. Но мне не удалось пролить на них много света.

Эадвине — «друг удачи»? Эльфвине — «друг эльфов»? Примерно таково, во всяком случае, значение этих имен в буквальном переводе. Хотя, как вам в большинстве своем известно (за исключением бедняжки Филипа), эти составные имена вполне традиционны, и из их буквального значения ничего особенного вывести нельзя.

— Но когда их создавали, они должны были иметь смысл, — произнес Рэймер. — Обычай соединять любые два корня из списка начал и окончаний имен, по всей видимости, наобум, что дает нам «Копье-мир», «Мир-волк» и прочее в том же роде, — должно быть, поздний, своего рода засохшая словесная геральдика. Как бы то ни было, «Эльфвине» — из числа ранних

Ночь 66-ая. Четверг, 22 мая 1987 г.

Людный вечер. Тесная комнатка Лаудема набилась едва ли не битком. Ошеломляющей новости о том, что у Арри «бывают видения», оказалось достаточно для того, чтобы на собрание явились все члены клуба, бывшие в Оксфорде. (А еще считается, что у меня в шкафу больше бутылок, чем у иных знакомых. А. А. Л.).

Лаудем, казалось, снова ожил и сделался довольно шумен; ничего не хотел, кроме как петь. В конце концов его утихомирили и усадили в кресло.

— Итак, — произнес Маркисон, — я прочел отчеты. Не могу сказать, что у меня уже сложилось какое-то определенное мнение о них, но мне очень интересно послушать, как ты, Арри, угодил в эту историю. Такое впечатление, что это не по твоей части.

— Ну, я филолог, — заговорил Лаудем, — а значит, человек непонятый. Но, думаю, угодил я в эту историю благодаря помянутому тобой имени — Арри. Это имя, которое иные из присутствующих с удовольствием используют, отнюдь не только дань моей вульгарной шумливости, как, кажется, предполагают менее осведомленные среди вас: это не сокращение от «Генри» или «Гарольд», но сокращение от «Арундел». Полностью — Алуин Арундел Лаудем, ваш скромный шут к вашим услугам.

— И причем тут твое имя? — раздалось несколько голосов.

— Я пока не совсем уверен, — ответил Лаудем. — Но моего отца звали Эдвин.

— Все сразу стало ясно! — вставил Фрэнкли.

— Я бы не сказал, — произнес Лаудем. — Неясно, зато загадочно. Мой отец был человек странный, насколько я припоминаю. Большой, высокий, сильный, темноволосый. И не смотрите на меня! Я лишь бледная копия. Он был богат, и страсть к морю сочеталась в нем со своего рода ученостью в области лингвистики и археологии. Он, должно быть, изучал древнеанглийский и другие северо-западные языки, судя по его библиотеке, которую я унаследовал вместе с иными из его пристрастий.

Жили мы в Пембрукшире, возле Пениана более или менее — потому что мы проводили там меньшую часть года; и отец всегда покидал дом вдруг: он много времени провел в плаваньях между Норвегией, Шотландией, Ирландией, Исландией, иногда плавал на юг до Азорских островов и тому подобное. Я знал его не очень хорошо, хотя любил его так сильно, как может любить маленький мальчик, и мечтал о том времени, когда смогу отправиться в плаванье вместе с ним. Но он исчез, когда мне было всего девять.

— Исчез? — повторил Фрэнкли. — Ты же мне вроде бы однажды сказал, будто он пропал в море?

— Он исчез, — сказал Лаудем. — Странная история. Никакого шторма. Его корабль просто исчез в Атлантическом океане. Это было в 1947 году, в следующем месяце исполнится сорок лет. Никаких сигналов — да он бы все равно не воспользовался радио. Никаких следов. Никаких известий. Его судно называлось «Эарендель». Странное дело.

— В те времена моря ведь были еще довольно опасны? — спросил Стейнер. — Повсюду мины?

— Как бы то ни было, не нашли ни обломка шпангоута, — произнес Лаудем. — Таков был конец «Эаренделя»: странное имя и странный конец. Но у отца имелись и странные фантазии по части имен. Языколомным именем «Алуин Арундел» я, надо думать, обязан толике благоразумия и моей матери. Отец-то хотел назвать меня «Эльфвине Эарендель».

mu sama přikázala mluvit? Pověz mi ale, co chceš s takovým darem dělat?" [Pošustová 2006: 438] («Говорится, что **у гномов более искусные руки, чем языки**, – сказала она, – однако это не относится к Гимли. Никто еще не обращался ко мне с просьбой столь дерзкой и любезной одновременно. И как я могу отказать, если сама велела ему говорить? Однако поведай мне, что ты будешь делать с таким даром?»).

Дословный перевод чешского варианта на русский звучал бы как «у гномов руки более умелые, чем языки». Таким образом, смысл, заложенный Толкином в придуманной им пословице, передан предельно ясно, но то, что фраза является пословицей, можно понять лишь по вводному сочетанию *Říká se, že* (говорится, что / бытует выражение).

3) *If you had really started this affair, you might be expected to finish it. But you know well enough now that starting is too great a claim for any, and that* ***only a small part is played in great deeds by any hero****. You need not bow!* (Если бы ты действительно начал это дело, от тебя бы ожидали, что ты его и завершишь. Но ты теперь хорошо знаешь, что начало – слишком большое притязание для любого, и что **любой герой в великих деяниях играет лишь небольшую роль**. Не нужно кланяться!) [Tolkien 2000a: 208].

Муравьев-Кистяковский:

«Да, мой друг, – проговорил Гэндальф, – если б ты начал эту историю, тебе пришлось бы ее закончить. Однако летописцу должно быть известно, что в одиночку начать историю невозможно: ***даже самый великий и могучий герой способен внести лишь крохотный вклад в историю, которая изменяет мир****. Не надо смущаться»* [Муравьев 1999: 214].

Этот пример отличается от предыдущих тем, что здесь переводчики никак не намекнули на наличие авторской пословицы в оригинальном тексте, вместо этого раскрыв её смысл распространенным описанием, превосходящим по объему написанное Толкином почти в два раза.

6. Случаи опущения

К этой группе относятся те случаи, когда пословица была опущена из текста перевода. У Н. Григорьевой и В. Грушецкого было обнаружено 13 примеров опущения, у В. Муравьева и А. Кистяковского – 11 и 4 – у чешской переводчицы, которая в большинстве случаев, как мы помним, предпочитала калькирование.

1) "*We have journeyed a long way round," said Legolas. "We could have all come here safe together, if we had left the Great River on the second or third day and struck west.* ***Few can foresee whither their road will lead them, till they come to its end****."* («Мы дали изрядного крюка, – сказал Леголас. – Мы могли спокойно добраться сюда все вместе, если бы сошли на берег Великой Реки на второй или третий день и свернули на запад. Мало кто может сказать заранее**, куда его заведет дорога, пока не доберется до ее конца**») [Tolkien 2000b: 62].

Григорьева-Грушецкий:

– Мы сделали круг, – спокойно проговорил Леголас. – Нам бы выйти на берег на второй

или третий день плавания, а не плыть до самого Порт Галена, тогда бы мы давно были здесь [Григорьева 1991: 355].

2) *I will do nothing to him. I do not wish for mastery. What will become of him? I cannot say. I grieve that so much that was good now festers in the tower. Still for us things have not gone badly. Strange are the turns of fortune!* ***Often does hatred hurt itself****!* (Я ничего не хочу с ним делать. Я не желаю власти. Что с ним станет? Не могу знать. Мне горько, что столько всего когда-то хорошего теперь гниет в этой башне. Но у нас дела не так уж плохи. Неисповедимы пути судьбы! **Часто ненависть ранит сама себя**!) [Tolkien 2000b: 131].

Пошустова:

Já mu ne udělám nic. Ne to užím popanování. Co se s ním stane? Ne vím. Trápí mě, že to, co bývalo tak dobré, teď hnije ve věži. Nám se ale ne vedlo nijak špatně [Pošustová 2006: 193] (Я с ним ничего не сделаю. Я не жажду господства. Что с ним станет? Я не знаю. Меня мучает, что то, что было когда-то так полезно, теперь гниет в башне. Но всё же для нас это ничем плохим не обернулось).

3) *He knew that the Ring was not lost for ever, but wished us to think so; for he began to lust for it for himself. Yet* ***oft in lies truth is hidden****: in the Sea it would be safe* (Он знал, что Кольцо пропало не навсегда, но хотел, чтобы мы думали так, ибо начал вожделеть его для себя. Но **часто во лжи сокрыта правда:** в Море оно будет надежно спрятано) [Tolkien 2000a: 205]. – *Truth is hidden within the lies* (**Правда прячется во лжи**) [Кусковская 1987: 116].

Муравьев-Кистяковский:

Ибо теперь совершенно ясно, что он солгал на прошлом Совете: его уже сжигала жажда всевластья, и, зная, что Вражье Кольцо нашлось, он намеренно ввел в заблуждение Мудрых. Но Морские Глубины — надежная могила, там уж Кольцо упокоится навеки [Муравьев 1999: 211].

Если первый и второй примеры иллюстрируют опущение авторской пословицы, то в третьем примере была опущена традиционная английская пословица, что, на наш взгляд, является неоправданным, ведь это как раз одна из тех пословиц, которые можно было скалькировать без ущерба смыслу и образности, как поступили другие переводчики: *Přesto se ve lži často skrývá Pravda* (С. Пошустова) [Pošustová 1990: 311] (Но во лжи часто скрывается Правда), *Но часто во лжи оказывается скрыта правда* Н. Григорьева и В. Грушецкий [Григорьева 1991: 200]).

7. Переводческие окказионализмы

К данной группе относятся случаи творческого перевода, подразумевающего создание в языке перевода новой пословицы, основанной на пословице Толкина. В переводе Григорьевой и Грушецкого мы выявили 11 переводческих окказионализмов, в переводе Муравьева и Кистя-

Мы вернулись на свои места и некоторое время молчали, ощущая неловкость. Наконец заговорил Рэймер:

— Нумэнор? Нумэнор? — тихо повторил он. — Где ты взял это слово, Арундел Лаудем?

— Не знаю я, — ответил Лаудем, открывая глаза и оглядываясь по сторонам в каком-то ошеломлении. — Оно является мне снова и снова. На самом краю, ты знаешь. Ускользает из рук. Как будто пытаешься схватить газ. Но этой весной оно приходит чаще обычного. Простите. Я вел себя странно или что-то в этом роде, как не прежний я — тихий и дружелюбный? Налейте мне выпить!

— Я спросил потому, — произнес Рэймер, — что Нумэнор — это мое имя для Атлантиды.

— До чего же странно..! — начал было Джереми.

— А! — произнес Лаудем. — Я-то гадал, уж не так ли обстоит дело. Я спросил у тебя про имя Атлантиды той ночью, в прошлом триместре; но ты не ответил.

— Итак, новый поворот! — проговорил Долбир: сна у него не было ни в одном глазу. — Если Арри Лаудем собирается нырнуть туда, где плавают сны, и поймать ту же самую рыбу, что и Рэймер, надо и нам заглянуть в этот омут.

— Так и будет, — произнес Джереми, — потому что это не только Рэймер и Арри. Я тоже в это замешан. Я понял, что уже слышал это слово, как только Арри произнес его. Но сейчас я хоть режь не могу припомнить, где или когда. Теперь это будет меня донимать, как заноза, пока я не вспомню.

— Чрезвычайно странно, — произнес Долбир.

— Что ты собираешься делать? — проговорил Рэймер.

— Обратиться к тебе за советом, — ответил Джереми. — И попросить о помощи, если ты ее окажешь.

— Начать тренировать память по системе Руфуса-Рэймера и посмотреть, что получится выудить, — произнес Лаудем. — У меня такое чувство, как будто что-то хочет выбраться наружу, и я был бы рад, если бы оно выбралось — или если бы я забыл об этом.

— Я ощущаю некоторую растерянность от всего происходящего, — заговорил Маркисон. — Я явно что-то упустил. Филип немного рассказал мне об откровениях, которыми поделился Рэймер в прошлом триместре, но я пока в недоумении. Лаудем, ты не мог бы что-нибудь рассказать, чтобы прояснить дело?

— Нет, правда не могу. Я устал до ужаса, — ответил Лаудем. — Тебе лучше почитать отчеты, если Ник их уже записал. Думаю, что записал. Он человек весьма методичный и скрупулезный, разве что ко мне слишком суров. И приходи на следующее собрание. И, думаю, лучше, если оно состоится через две недели. Можем собраться у меня, если скажете, что все влезете. И посмотрим, что у нас к тому времени будет. Пока у меня мало есть о чем рассказать.

После этого разговор неуклюже сполз на обычные темы, и далее не было сказано ничего примечательного.

Когда мы вышли, Лаудем сказал Рэймеру:

— Как ты полагаешь, я мог бы как-нибудь зайти потолковать с тобой и Руфусом, не откладывая дела в долгий ящик?

— Да, — произнес Рэймер. — Чем скорее, тем лучше. И ты, Джереми, тоже приходи.

— Непременно! Как и при нынешнем дворе, — произнес Маркисон, — и во дворе любого оксфордского колледжа. Почему тебя это беспокоит? Схематичные персонажи, они ближе к жизни, чем полностью прописанные. В реальной жизни вы лишь малую толику людей знаете не хуже, чем хороший автор знает своих героев и злодеев.

— Путешествие в Камелот, путешествие из Камелота… — пробормотал Лаудем. — И над ним нависла мрачная тень. Хотел бы я знать… Но для меня это всего лишь художественное произведение. Не все легенды таковы. Нет, к несчастью. Иные, кажется, обладают собственной жизнью и не сидят на месте. Мне бы до крайности не хотелось попасть в такие края. Это было бы хуже, чем видение бедного З. Норманнского.

— Да о чем это он? — произнес Гилдфорд.

— Думаю, пробка уже скоро выскочит, — пробормотал Долбир, не открывая глаз.

— Норманнский Застенок нас бреет [7], — пояснил Фрэнкли. — По крайней мере, так мы с Арри прозвали нашего цирюльника; понятия не имею, как его зовут на самом деле. Довольно приятный человечек среднего ума, для которого, однако, за некой смутной границей в прошлом начинаются бескрайние, мрачные и бесплодные, но совершенно однозначно и четко определенные «Темные века». У них всего четыре характерные черты: «норманнские застенки» (под которыми имеются в виду баронские замки и, возможно, жилище любого человека, который заметно богаче нашего брадобрея); «энти Джеймсы» (под ними он предположительно разумеет Иаковов номер один и номер два) [8]; «сквайры» (курьезная разновидность нечисти); и «народ». В этой стране не происходит никаких событий помимо того, что «энти Джеймсы» бросают «народ» в «застенки» (с помощью «сквайров»), где «народ» пытают и грабят, хотя у «народа» и так вроде бы уже нечего отнимать. Довольно мрачная легенда. Но она укоренилась намного лучше и в бóльшем количестве голов, нежели битва при Камлане! [9]

— Знаю, знаю! — произнес Лаудем громко и зло. — Это безобразие! Норманнский Застенок — человек весьма достойный и предпочел бы правду, а не ложь. Но Зигур [10] уделяет таким людям особое внимание. Будь он проклят!

Разговор оборвался, наступило молчание. Рэймер и Гилдфорд переглянулись. Долбир, не двинув головой, незаметно открыл глаза.

— Зигур? — повторил Джереми, глядя на Лаудема. — Кто такой Зигур?

— Без понятия, без понятия! — откликнулся тот. — Это что, новая игра, Джереми? Кто такой Ауламу? [11]

Он подошел к окну и распахнул его.

Брезжил недвижный поздний летний вечер; было теплее, чем обычно в это время года. Лаудем высунулся из окна, и мы, повернувшись, не сводили глаз с его спины. Большое окно смотрело на запад, и на фоне усыпанного звездами неба смутно виднелись похожие на два рога башни колледжа Олл-Соулз.

Внезапно Лаудем заговорил изменившимся голосом, звонким и зловещим, на незнакомом языке; и затем, стремительно обернувшись к нам, громко воскликнул:

— Узрите орлов Владык Запада! Они приближаются к Нумэнору!

Мы все вздрогнули. Несколько человек подошли к окну и встали за спиной у Лаудема, выглядывая наружу. Огромная туча, медленно надвигавшаяся с запада, закрывала звезды. Подступая все ближе, туча выбросила на север и на юг два необъятных траурно-черных крыла.

Внезапно Лаудем отпрянул от окна, захлопнул его и задернул занавеси. Потом тяжело упал в кресло и закрыл глаза.

ковского – 19, а в переводе Станиславы Пошустовой – 4.

1) *We don't often get a party out of the Shire nowadays, and I should be sorry not to make you welcome. But there is such a crowd already in the house tonight as there hasn't been for long enough.* ***It never rains but it pours****, we say in Bree* (Мы не часто теперь принимаем гостей из Шира, и мне было бы неудобно не приветить вас. Но в доме сегодня уже такая прорва народу, какой давненько не было. Как мы говорим в Бри, ***вечно дождь не идет, а льет ливнем***) [Tolkien 2000a: 115]. – *It never rains but it pours* (**Вечно дождь не идет, а льет ливнем**) [NTC 1993: 124].

Это был как раз тот случай, когда Толкин вложил в уста народов, населяющих Средиземье, известную английскую пословицу, причём подчеркнул, что именно так говорят в данной местности, т.е. указал на принадлежность этой пословицы к данному народу. Но интересно то, что эквивалента данной традиционной английской пословицы ни в одном из переводов не приводится. И это объяснимо. В данном случае была употреблена известная английская пословица *It never rains but it pours*, что означает: «хорошие или плохие вещи, как правило, не случаются по отдельности, а сыплются на голову целым скопом» [NTC 1993: 124]. Словарь И.Е. Митиной «Английские пословицы и их русские аналоги» предлагает следующие варианты передачи: *Пришла беда – отворяй ворота, Беда не приходит одна, Беда на беде, бедой погоняет* [Митина 2002: 75].

Однако в данном случае речь идёт не о беде, а о большом наплыве посетителей. Таким образом, переводчики никак не могли воспользоваться данными аналогами. Других же в русском языке просто нет. Посмотрим, как справились переводчики:

Муравьев-Кистяковский:

Дорогие гости из Хоббитании к нам редко жалуют – устроим, как не устроить. Правда, сегодня все забито, местечка свободного нет, яблоку негде упасть. ***У ворот невпроворот****, как говорят у нас в Пригорье* [Муравьев 1999: 123].

Здесь мы видим, что Муравьёв и Кистяковский создали индивидуально-авторское выражение, напоминающее пословицу, а также использовали фразеологизм *дел невпроворот*.

Григорьева-Грушецкий:

Нечасто нынче встретишь компанию аж из самого Шира. Достойна наилучшего приема. Извините. Расстараемся. Как на беду, такой наплыв сегодня, какого давно не было. ***То ни дождинки, а то как из ведра****, это у нас так говорят* [Григорьева 1991: 113].

Григорьева и Грушецкий, как и Муравьёв с Кистяковским, использовали для перевода фразеологические средства русского языка, но, на наш взгляд, менее удачно, поскольку, согласно Фразеологическому словарю А.И. Молоткова, выражение *как из ведра* означает «лить (полить, хлынуть) очень сильным потоком, струёй. Говорится о проливном дожде» [Молотков 1968: 58]. В переводе сохранилась образность, присутствует афористичность, но в русском языке выражение *как из ведра* не употребляется в переносном смысле. Однако и буквализмом этот перевод

тоже нельзя назвать, поэтому мы также отнесли его к группе переводческих окказионализмов.

2) *What his right name is I've never heard: but he's known round here as Strider. Goes about at a great pace on his long shanks; though he don't tell nobody what cause he has to hurry. But* ***there's no accounting for East and West****, as we say in Bree, meaning the Rangers and the Shire-folk, begging your pardon. Funny you should ask about him* (Как его взаправду звать, я не слыхал никогда, но в околотке его знают как Шире-Шаг. Шагает туда-сюда на своих длинных ногах, хотя никому и не сказывает, что тут у него за спешка. Но **умом ни Запада, ни Востока не понять**, как мы говорим в Бри – про Странников да про ширских, прощения просим. Забавно, что это вы про него спрашиваете) [Tolkien 2000a: 117].

Это пример контаминации, поскольку для создания данного выражения Толкином были использованы следующие пословицы: *There is no accounting for taste(s)* (О вкусах не спорят) [NTC 1993: 213] и *East is East and West is West* (Запад есть Запад, Восток есть Восток) [NTC 1993: 75]. У первой была заимствована структура, а у второй – смысл и лексика. У пословиц довольно схожий смысл: о вкусах не спорят, все люди различны. Употребление слов *Восток* и *Запад* в данной ситуации обусловлено местоположением окрестностей, из которых приехали гости, относительно таверны, в которой они собрались. Таким образом, смысл выражения остаётся примерно тот же: сложно понять людей не из этих мест, причем подчёркивается, что так говорят именно здесь (в Пригорье).

Эту пословицу наиболее удачно перевели Григорьева и Грушецкий:

Григорьева-Грушецкий:

*Имени настоящего никогда не слыхал. Колобродом кличут. Шастает на своих ходулях, а по каким делам – неведомо. Да ведь у нас как говорят: «****Что запад, что восток – какой с них прок****». Это, значит, про Скитальцев и про Шир тоже, прощения прошу. Забавно, что вы про него спросили* [Григорьева 1991: 115].

Данный перевод точно передаёт смысл оригинала, к тому же присутствует рифма, что придаёт выражению вид пословицы, и получается яркий переводческий окказионализм.

Муравьёв и Кистяковский в своем переводе пропустили данное выражение. А чешская переводчица применила метод калькирования:

Пошустова:

Jak se jmenu je do o pravdy, to jsem nikdy ne slyšel, ale říká se mu tady Chodec. Chodí na těch svých dlouhých nohou pěkněz čerstva; ale kam má takna spěch, ne řekne nikomu. Ale ***ve Východě a v Západě se jeden nevyzná****, říkáme my v Hůrce, a myslím etím Hraničáře a Krajany, jestli prominete. To je zvláštní, že se na něho ptáte* [Pošustová 1990: 185] (Как его зовут на самом деле, я никогда не слышал, но здесь его называют Ходок. Он ходит на своих длинных ногах очень быстро; но куда он так спешит, никому не говорит. Но **в Востоке и Западе никто не разберется**, говорим мы в Горке, и под этим подразумеваем Стражей границы и Крайцев, если позволите. Странно, что вы о нём спрашиваете).

Вот вам легендарная страна, ничего общего с реальностью не имеющая.

— Но ты ведь наверняка согласишься, — отозвался Рэймер, — что артуровская Британия, как ее сейчас себе представляют, даже низведенная до банальностей типа «когда рыцари были храбрыми», до некоторой степени сохраняет мощь и жизненную силу?

— Некую литературную притягательность, — произнес Фрэнкли. — Но мог бы ты вернуться в Камелот короля Артура, даже прибегнув к своей методе? Которую я, кстати, пока не нахожу убедительной. То есть, с моей точки зрения то, о чем ты нам рассказал, — скорее всего, всего лишь разновидность того, что я называю просто «сновидением» — когда сплетаешь картинку и сюжет, — разновидность совершенная и с исключительной силой запечатлевающаяся в памяти.

— И все же: если легенда, значимая на своем собственном уровне, сконденсировалась вокруг исторических событий, обладающих собственной значимостью, к чему бы ты вернулся? Что бы ты увидел, если бы заглянул в прошлое? — спросил Гилдфорд.

— Полагаю, это зависит от того, что ты за человек и что ищешь, — ответил Рэймер. — Если ты ищешь историю, которая для людских умов имеет больше всего смысла и значения, тогда, наверное, ее ты и найдешь.

В любом случае, думаю, можно: полагаю, я смог бы вернуться в Камелот, если бы состояние моего разума и удачное стечение обстоятельств благоприятствовали такому путешествию. Как я вам говорил, желание, которое мы ощущаем в состоянии бодрствования, лишь незначительно повышает вероятность получить желаемое. Подобного рода приключение — это не то же самое, что просмотр происходившего, как вы бы выразились, в Британии пятого века. И никак не создание собственного сновидения-драмы. Подобное предприятие больше походило бы на первый вариант, но потребовало бы активного участия. Это было бы намного менее свободно, нежели второй вариант. И намного труднее, чем они оба, скорее всего. Мне думается, что это лучше всего делать двум людям сообща.

— Не понимаю, чем это поможет, — сказал Фрэнкли.

— Разные люди имеют разные представления или способны на уникальный вклад — ты об этом? — спросил Гилдфорд. — Но это применимо и к историческому исследованию или «взгляду в прошлое».

— Нет, неприменимо, — возразил Джереми. — Ты смешиваешь историю в смысле «отчет, составленный на основе вразумительных свидетельств, дошедших до нас» (он необязательно отражает факты правдивее, чем легенда) и «подлинную историю», реальное прошлое. Если бы ты взглянул назад, в прошлое, каким оно было, тогда можно было бы увидеть все, если умеешь смотреть или если у тебя есть время на наблюдение. И труднее всего было бы уловить, как оно всегда бывает с «настоящим», смысл, значимость, мораль происходящего, так сказать. По крайней мере, так обстояло бы дело по мере приближения к нашему времени. Как я уже говорил, я не уверен, имеет ли это отношение к возвращению в самое начало. Но в случае великого цикла сказаний ситуация была бы иной: многое было бы совершенно реальным и вместе с тем… э-э… исполненным смысла. Однако могут быть — могли бы быть — моменты незавершенности, слабые места, пробелы. Потребовалась бы доработка, и помощь пришлась бы кстати.

— Именно что «кстати»! — сказал Фрэнкли. — Если бы вы из Камелота (после того, как обнаружили его точное местоположение) направились бы в большинство других мест на карте легенды, вы бы обнаружили, что дорога какая-то расплывчатая. Большую часть времени вы бы блуждали в тумане! И при дворе вы бы встретили несколько довольно схематично набросанных персонажей.

крупицах словно снежинки кристаллизируются истории. В центре артуровского цикла стоял человек по имени Артур.

— Может, и так! — произнес Фрэнкли. — Но это еще не делает артуровские романы реальными в той же мере, в какой реальны подлинные события прошлого.

— Я не говорил «в той же мере», — ответил Джереми. — Существуют вторичные планы, или уровни.

— И что тебе известно о «подлинных событиях прошлого», Филип? — спросил Рэймер. — Видел ли ты хоть одно — тогда, когда оно стало прошлым? Когда ты пытаешься вернуться из прошлого обратно в настоящее, они лишь рассказы или предания, не так ли? Даже твое представление о том, чем ты занимался вчера, — стоит тебе поделиться им с кем-то еще. Разве что ты можешь вернуться в прошлое или по крайней мере увидеть его.

— Я думаю, есть разница между тем, что на самом деле происходит во время наших собраний, и отчетами Николаса, — произнес Фрэнкли. — Мне не кажется, что его отчеты стирают подлинное прошлое, вне зависимости от того, правдиво эти отчеты описывают события или нет. И разве не ты заявлял, что способен порой видеть прошлое как нечто такое, что происходит сейчас? Мог бы ты вернуться в отчеты Гилдфорда?

— Хм… — пробормотал Рэймер, задумавшись.

— И «да», и «нет», — ответил он. — Николас бы смог, в особенности если речь идет о сценах, которые он изобразил или срисовал с некоторым тщанием и в которые вложил работу ума. Мы тоже смогли бы, сделай мы то же самое. Люди будущего, если бы они изучили отчеты и дали своему воображению поработать с ними, так, чтобы клуб «Мнение» стал для них чем-то вроде вторичного мира, находящегося в прошлом, тоже смогли бы.

— Да, Фрэнкли, — произнес Джереми, — тебе надо отличать обман (или вымысел не ради вымысла, или простой словесный трюк, когда предложения «перенаправляют» в прошлое, поставив глагол в прошедшее время) от сочинительства. В особенности от сочинений высшей пробы, что, обретя собственную вторичную жизнь, путешествуют от разума к разуму.

— В точности! — воскликнул Рэймер. — Я думаю, что вы не осознаете — и я думаю, что никто из нас не осознает, — мощь, даймоническую силу великих мифов и легенд, которыми они обязаны глубине чувств и восприятия, породивших их, укорененности во множестве умов, — и учтите, что любой ум — это двигатель, чья скрытая мощность безмерна. Мифы и легенды — как взрывоопасное вещество: могут дарить людские умы долгим и ровным теплом, но если вдруг происходит детонация, они взрываются с грохотом. Да: возможно потрясение в реальном, первичном мире.

— Что именно ты имеешь в виду? — спросил Долбир, отрывая бороду от груди и открывая глаза, вспыхнувшие мимолетным интересом.

— Я не имел в виду какую-то конкретную легенду, — отвечал Рэймер. — Но подумайте, к примеру, об эмоциональной энергии, выработанной по всему западному побережью Европы людьми, которые наконец достигли предела суши и взглянули на безбрежное море, непаханое, непреодоленное, неизведанное! И какой огромный масштаб приобрели на этом фоне другие события! Скажем, прибытие по этому морю странных людей, оседлавших шторм, носителей высшего знания, что правили кораблями, дотоле невообразимыми. И если они принесли вести бедствии: о битвах, о сожженных городах или о возмущении земли, погубившем дальний край... даже сейчас я ощущаю трепет, помыслив о таких вещах подобным образом.

— Да, меня тронули твои слова, — сказал Фрэнкли. — Но это нечто огромное и смутное. Я застрял гораздо ближе к дому: помните, Джереми мимоходом упомянул о короле Артуре?

Но бывали случаи, когда именно чешская переводчица создавала в языке перевода авторское выражение:

3) «***Where will wants not, a way opens**, so we say,» he whispered; «and so I have found myself.» Merry looked up and saw that it was the young Rider whom he had noticed in the morning. «You wish to go whither the Lord of the Mark goes: I see it in your face.»* («**Где воли хватает, там путь открывается**, как мы говорим, – прошептал он. – Это я испытал на себе». Мерри поднял глаза и увидел, что это тот самый молодой Всадник, которого он заметил утром. «Ты хочешь отправиться туда же, куда и Правитель Марки; я это вижу по твоему лицу») [Tolkien 2000c: 44]. Это пример трансформации Толкином традиционной английской пословицы *Where there is a will, there is a way* (**Где желание, там и способ**; **Кто ищет, тот находит**) [Кунин 1984: 821].

Пошустова:

*“**Kde vůle neschází, cesta se nachází**, říkáse u nás,” zašeptal, “a sám jsem to zjistil.” Smíšek vzhlédl a viděl, že je to ten mladý Jezdec, kterého si povšiml ráno. “Pře ješ si jet tam, kam jede Pán Marky: vidím ti to na obličeji.”* [Pošustová 2007: 74] («**Где воля нашлась, там дорога подобралась**, говорится у нас, – прошептал он, – и я сам в этом убедился». Смешок взглянул и увидел, что это тот молодой Наездник, которого он заметил утром. «Ты хочешь ехать туда, куда едет Хозяин Марки: я вижу это по твоему лицу»).

Станислава Пошустова, на наш взгляд, отлично справилась с переводом пословицы, она адекватно передала смысл высказывания, сохранила образ пословицы, а также использовала рифму, хотя в оригинале её не было.

Переводчики посчитали самым удобным способом перевода пословиц, в том числе многочисленных авторских неологизмов, калькирование: 78 примеров в чешском переводе, 42 примера у Н. Григорьевой и В. Грушецкого и 21 – у В. Муравьева и А. Кистяковского. Вторым по популярности был описательный перевод, который у Н. Григорьевой и В. Грушецкого встречается 21 раз, В. Муравьевым и А. Кистяковским также использован 21 раз, и 7 раз – С. Пошустовой. Третий по популярности метод – перевод с помощью эквивалента, что в большинстве случаев было возможно лишь с исконными английскими пословицами. Н. Григорьева и В. Грушецкий подобрали 11 эквивалентов, С. Пошустова – тоже 11, а В. Муравьев и А. Кистяковский – 13. Реже использовались аналоги: в переводе Н. Григорьевой и В. Грушецкого – 4 раза, в переводе В. Муравьева и А. Кистяковского – 8 раз, а в чешском переводе – всего 2 раза. Переводом с помощью замены Н. Григорьева и В. Грушецкий воспользовались 4 раза, В. Муравьев и А. Кистяковский – 13 раз, а С. Пошустова – один раз. В группе под названием «переводческие окказионализмы» безусловными лидерами стали В. Муравьев и А. Кистяковский, у которых переводческие окказионализмы встретились 19 раз. Следом за ними идут Н. Григорьева и В. Грушецкий (11 примеров) и С. Пошустова (4 примера). И последним вариантом, на наш взгляд, наименее желательным, было опущение. Чешская переводчица проигнорировала пословицы в

тексте всего 4 раза, в то время как В. Муравьев и А. Кистяковский – 11 раз, а Н. Григорьева и В. Грушецкий – 13 раз. Однако это неудивительно, поскольку по ходу работы стало понятно, что русские переводчики чувствовали себя с текстом свободнее, в чем были свои плюсы и минусы. С одной стороны, несколько раз из трилогии выпускались целые абзацы и страницы; с другой стороны, чувствовался более творческий подход: русские переводчики предпочитали не столь часто применять калькирование, как могли бы. Они старались если не найти аналог, то красочно описать или придумать достойный окказионализм в русском языке. В то время как Станислава Пошустова осторожнее работала с оригиналом, она предпочла перевести на чешский язык слова автора, сохраняя стиль, но не стараясь передать ту меткость, которая присуща английским пословицам, использованным Толкином. Если с переводом фразеологизмов чешская переводчица, на наш взгляд, справилась лучше своих русских коллег, то с переводом пословиц картина несколько иная. Она также намного реже, чем русские переводчики, использовала метод описания, который мог, в отличие от калькирования, хотя бы чуть точнее разъяснить смысл выражения или развить мысль, дополнив её чешскими реалиями. Таким образом, проанализировав статистические данные, мы приходим к выводу, что наибольшим мастерством в передаче пословиц отличается перевод В. Муравьёва и А. Кистяковского, поскольку они реже других переводчиков прибегали к приёму калькирования. Также перевод В. Муравьёва и А. Кистяковского отличается особой образностью, поскольку им принадлежит большинство самых удачных переводов авторских паремий, которые мы отнесли к группе «переводческие окказионализмы», то есть самые искусные «подделки» под пословицы, передававшие смысл исходной единицы, а также сохранявшие авторский стиль, и порой ритмико-интонационное оформление. Здесь переводчики полностью раскрыли свои творческие способности и оригинальность мышления.

Из 106 случаев употребления пословиц только 16 единиц являются традиционными английскими пословицами (в то время как к традиционным английским фразеологизмам относятся 441 ФЕ из 527). Таким образом, в большинстве случаев переводчикам приходилось иметь дело с авторскими пословицами, что сделало анализ перевода пословиц крайне занимательным, ведь одно дело – подобрать соответствие уже существующей в языке единице, и совсем другое – адекватно перевести уникальную образную единицу, созданную лично автором для данного конкретного произведения.

Также в заключение хотелось бы сказать, что не вызывает сомнения тот факт, что роль пословиц и фразеологизмов в художественном тексте велика. Они не только расшифровывают нам моральные устои героев, отражают их мировоззрение и характер, но также служат апелляцией автора и персонажей к древней мудрости, многовековому опыту своего народа. Поэтому при переводе эти «изюминки» языка должны служить способом выражения особенностей мироощущения того или иного персонажа или автора произведения. Однако, несмотря на то, что мы позволили себе в данном исследовании предоставить градацию по предпочтительности способов перевода пословиц и фразеологизмов, из анализа материала «Властелина колец» стало абсолютно ясно, что по отношению к художественному тексту нельзя строго регламентировать использование тех или иных способов перевода. Каждая конкретная текстовая ситуация требует индивидуального подхода от переводчика. Перевод пословиц и фразеологизмов – сложный

врожденный язык, как назвал бы его Рэймер, умирает едва ли не с их рождением.

Это не твой случай, дружище Филип: ты неуч, но сердце у тебя есть. Рискну предположить, что «pants» просто не соответствуют твоему врожденному стилю. Так всегда было с недюжинными мужами: у них есть предметы любви и предметы ненависти среди слов.

— Ты говоришь так, как будто видишь или слышишь язык с момента его появления, Арри, — произнес Рэймер, глядя на Лаудема с некоторым удивлением.

С тех пор как Лаудем в последний раз разразился столь длинной речью, прошло немало времени.

— Нет! Не с момента появления, — произнес Лаудем, и по его лицу пробежало странное выражение. — Всего лишь с тех пор, как… однако… А, ладно!

Он умолк и отошел к окну. В небе, темном, но чистом, как стеклышко, горел сонм белых звезд.

Разговор снова перешел на другое. Оттолкнувшись от происхождения языка как такового, мы заговорили о культурных мифах и легендах о происхождении. Гилдфорд и Маркисон завели спор о божествах зерна и божественных королях и героях, приплывающих по морю, — несмотря на град легкомысленных ремарок Лаудема, который, кажется, отнесся к такому повороту беседы со странной антипатией.

— Воплощение Снопа [6], — произнес Гилд[форд. Далее, к сожалению, один лист отсутствует.]

[Джереми:]

— …как ты сказал. Но я не думаю, что можно быть настолько уверенным. Иногда у меня появляется странное чувство, что если можно было бы вернуться в прошлое, то обнаружилось бы, что не миф, растворяясь, становится историей, но, напротив, реальная история приближается к мифу, становясь более стройной, простой, ощутимо более значимой, даже при взгляде с близкого расстояния. Если угодно, она становится более поэтической и менее прозаической.

Как бы то ни было, эти древние повествования, легенды и мифы о далеком прошлом, о происхождении королей, законов и важнейших ремесел не все состоят из одних и тех же ингредиентов. Они — не только плод воображения. И даже то, что выдумано, — не чистый вымысел; у него больше корней.

— Корней в чем? — спросил Фрэнкли.

— Я сказал бы, во всем сущем, — отвечал Джереми. — В человеческом естестве и, если изменить масштаб, — в пружинах истории и рисунке географии. То есть, я хочу сказать, в уникальных географических особенностях нашего мира и событийном ряду его истории, — если смотреть на них с некоторого расстояния. Можно привести такую аналогию: из космоса Земля выглядит как вращающийся шар, освещенный Солнцем; и этот факт, хоть и не напрямую, имеет огромное влияние на нас и то, что мы делаем, несмотря на то, что эту истину трудно воспринять, находясь здесь, и люди практические совершенно правы, полагая в практических же целях, что поверхность Земли является плоской и неподвижной.

Несомненно, образы легенд могут иметь отчасти символический характер, они могут быть представлены так, чтобы более лаконично, или более полно, или посредством сокращения либо комбинирования (ведь они не реалистичны и не фотографичны) доносить некую истину о минувшем.

И заметьте: в них содержатся и подлинные детали, что мы называем фактами, — попавшие в историю приметы сухопутного и морского пейзажа, люди и их поступки. На этих

ветви, Пип? Удивляюсь я тебе, ты же поэт и все такое.

— Вовсе я не возражаю против языка! Я возражаю против его разрушения.

— Но разве ты не разрушаешь его? Неужели языку больше вреда от того, что неологизм «whaffing» употребляется в значении «тяжело дышать», чем от того, что слово «panting» употребляется не только в значении «тяжело дышать», но и в значении «страстно желать»? Именно так язык меняется, именно так он возник. По сути это осознание отношений «звук — смысл» и «символ — значение». Оценить эту связь можно не только натолкнувшись на новое слово (новое, по крайней мере, для тебя). В момент озарения, бывает, ощущаешь трепет, осознав связь звука и смысла в знакомых словах. Я соглашусь, что звукоподражание — относительно простой случай (то же слово «whaff»). Однако и в равенстве «to pant» = «желать» старое значение получает новую звуковую форму. Но здесь есть и кое-что еще — интерес, удовольствие, восторг, все, что хочешь, — от восприятия старого значения вкупе с новым. Во всяком случае, некоторое время оба как бы подсвечены. Без звукоподражания язык бы никогда не появился на свет, но без сдвига формы относительно содержания язык не приобрел бы такой важности. Должны продолжаться оба процесса! И будут!

— Что ж, данный пример подобной активности мне не по нраву, — сказал Фрэнкли. — И я терпеть не могу, когда филологи говорят о Языке (с большой буквы «я») с таким же до странности одиозным пылом, какой обычно приберегают для Жизни с большой буквы «ж». Которая тоже «должна продолжаться» — как нам говорят, когда мы жалуемся на ее низменные проявления, например, на захмелевшего Арри. Он говорит о языке так, как будто это не просто джунгли, а священные джунгли, дикая роща, посвященная Vita Fera [5], где нечестивым рукам запрещено чего-либо касаться. Червоточины, плесень, паразиты — пусть их!

Языки — это не джунгли. Это сады, в которых звуки, пересаженные из дикой чащобы звериных криков, превращаются в слова, растут, обучаются и напитываются ароматами смысла. А тебя послушать, так и вонючий сорняк вырвать нельзя!

— Я не про это! — возразил Лаудем. — Но тебе, во-первых, следует помнить, что это не твой сад — если уж принять твою шаткую аллегорию. Сад принадлежит и множеству других людей, и твой вонючий сорняк для них, быть может, источник восторга. Более того, твоя аллегория неточна. Возражаешь ты не против сорняка, но против почвы, а также любых проявлений роста и размножения. Все остальные слова в твоем изысканном саду появились на свет и приобрели аромат одним и тем же способом. Ты похож на человека, который любит цветы и фрукты, но считает, что суглинок — это грязь, что навоз отвратителен, а рост и увядание — слишком уж печальное зрелище. Тебе хочется стерильного садика с иммортелями, нет, с бумажными цветами. И если оставить аллегорию в покое, ты и в самом деле ничего не хочешь знать об истории своего родного языка и не выносишь, когда тебе напоминают, что у твоего родного языка эта самая история все-таки есть.

— Порази меня молнией, о понтифик! — воскликнул Фрэнкли. — Но я умру, повторяя, что мне не нравится «pants» в смысле «желание».

— Дело говоришь! — рассмеялся Лаудем. — И, конечно, Пип, ты прав. Оба правы: и молния, и мятежник. Ибо единственным верховным судьей, когда решается судьба слов, является говорящий: он благословляет или проклинает. Законы устанавливаются лишь согласием отдельных судей. Если твою неприязнь разделяет достаточное количество народа, тогда «pants» — сорняк, место которому в печи.

Хотя, конечно, многие люди — все больше и больше, как мне порой кажется (ведь Время на месте не стоит и даже язык выдыхается), — уже не судят, а лишь повторяют за другими. Их

творческий процесс, в результате которого нередко рождаются на свет уникальные единицы речи, которые, раз став близкими сознанию читателя, в дальнейшем могут органически влиться в язык перевода, стать частью его пословично-поговорочного фонда, как, например, пословицы из «Властелина колец» уже стали частью пословично-поговорочного фонда английского языка.

Библиография

Cambridge 2002: Michael McCarthy. Cambridge International Dictionary of Idioms.5th ed. Cambridge, 2002.

Mokienko, Wurm 2002: Mokienko V.M., Wurm A. Česko-ruský frazeologický slovník. Olomouc, 2002.

NTC 1993: Anne Bertram, Richard A. Spears. NTC’s Dictionary of Proverbs and Cliches. Chicago, 1993.

NTC 2000: Richard A. Spears. NTC›s American Idioms Dictionary.Chicago, 2000.

Oxford 2004: Judith Siefring. Oxford Dictionary of Idioms.2th ed. Oxford, 2004.

Pošustová 1990: J.R.R. Tolkien, Pán Prstenů, Společenstvo Prstenů, překlad: Stanislava Pošustová. Praha, 1990.

Pošustová 2006: J.R.R. Tolkien, Pán Prstenů, Dvě Věže, překlad: Stanislava Pošustová. Praha, 2006.

Pošustová 2007: J.R.R. Tolkien, Pán Prstenů, Návrat Krále, překlad: Stanislava Pošustová. Praha, 2007.

Používaná anglická přísloví a české ekvivalenty/překlady 2012.URL: http://www.atingo.eu/download/prislovi_en.pdf (дата обращения: 23.05.2014).

Přísloví o lásce, životě a kopadalších 2012.URL: http://prislovi.info/index.php?stranka=italska&od=60 (дата обращения: 20.04.2012).

Tolkien 2000a: J.R.R. Tolkien, The Lord of the Rings, Fellowship of the Ring. New York, 2000.

Tolkien 2000b: J.R.R. Tolkien, The Lord of the Rings, The Two Towers. New York, 2000.

Tolkien 2000c: J.R.R. Tolkien, The Lord of the Rings, The Return of the King. NewYork, 2000.

Влахов 1986: Влахов Н., Флорин С. Непереводимое в переводе. М., 1986.

Влчек 1974: Йозеф Влчек. Русско-чешский словарь. М., 1974.

Григорьева 1991: Дж.Р.Р. Толкиен, Властелин колец, перевод Н. Григорьевой, В. Грушецкого. Л., 1991.

Даль 1957: Даль В.И. Пословицы русского народа. М., 1957.

Жуков 1991: Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. М., 1991.

Зимин 1996: Зимин В.И., Спирин А.С. Пословицы и поговорки русского народа. М, 1996.

Копецкий 1976: Чешско-русский словарь под редакцией Л.В. Копецкого, Й. Филипца

и О. Лешки. М., 1976.

Кунин 1984: Кунин А.В. Большой англо-русский фразеологический словарь. М., 1984.

Кусковская 1987: Кусковская С.Ф. Сборник английских пословиц и поговорок. Минск, 1987.

Митина 2002: Митина И.Е. Английские пословицы и их русские аналоги. СПб., 2002.

Модестов 2000: Модестов В.С. Английские пословицы и поговорки и их русские соответствия. М., 2000.

Молотков 1968: Войнова Л.А., Жуков В.П., Молотков А.И., Федоров А.И. Фразеологический словарь русского языка. Под ред. А.И. Молоткова. – 2-е изд. М., 1968.

Муравьев 1999: Дж.Р.Р. Толкиен, Властелин колец, перевод В. Муравьева, А. Кистяковского. М., 1999.

Семенова 2001: Семёнова Н. Пять переводов *Властелина колец* Дж.Р.Р. Толкина // Альманах переводчика. Сост. Н.М. Демурова, Л.И. Володарская; отв. ред. М.Л. Гаспаров. М., 2001. С. 159–198.

Тихонов 2007: Тихонов А. Н. Фразеологический словарь русского языка. 3-е изд. М., 2007.

Хананашвили 2003: Хананашвили А. «Не зная броду, не суйся в воду»: Мир толкиновских пословиц и поговорок в переводах «Властелина колец» // Палантир. 2003. № 41. С. 3–19.

Холина 2010: Холина Д.А. Особенности мифотворчества Дж.Р.Р. Толкиена (На материале авторских пословиц и поговорок). // Вестник ВГУ: Серия Лингвистика и межкультурная коммуникация. № 2. Воронеж, 2010. С. 70–74.

Весьма соленое имею мненье –
Хочу напиться и уснуть.

Дальше этих слов Лаудем доходил нечасто, а дальше следующих не добирался вовсе:

Несите мне чашу с волшебным зельем!
Нынче хочу глубóко нырнуть –
На самое, самое, самое дно!
Туда, где водятся рыбы снов.

К песне отнеслись без восторга, в особенности Рэймер. Но в конце концов Лаудем угомонился и на время погрузился в унылое молчание.

Около десяти часов разговор коснулся неологизмов; и Лаудем, снова вступив в беседу, принялся их защищать в основном по той причине, что Фрэнкли придерживался противоположного мнения (Нет. Из чистой любви к истине и справедливости. А. А. Лаудем).

Лаудем, обращаясь к Фрэнкли:

— Так ты говоришь, что возражаешь против слова «panting», которое сейчас вся молодежь использует в смысле «хотеть» или «желать»?

— Да, возражаю. В особенности против выражений «having a great pant for» и, что хуже, «having great pants for» [3].

— А вот мне не кажется, будто у твоего возражения имеются веские основания: только то, что слово новое и непривычное. Новые слова всегда вызывают возражения, как и новое искусство.

— Чепуха! Дважды чепуха, Арри! — произнес Рэймер. — Фрэнкли выражает свое недовольство именно по той причине, что новые слова не встречают возражений. И, как бы то ни было, лично я возражаю против множества старых слов, которыми мне приходится пользоваться, поскольку они находятся в обращении и люди не согласятся на предлагаемые мной замены. Я питаю неприязнь к множеству образчиков старого искусства. Мне часто, хотя и не всегда, нравятся новинки. Есть такая вещь, как «ценность» без учета возраста или степени знакомства. Мне сразу пришлось по душе «doink» [4]: вот звукоподражательное слово, которое очень хорошо для некоторых целей.

— Да, «doink» последнее время делает успехи, — сказал Лаудем. — Но оно, конечно, не новенькое с иголочки. По-моему, оно впервые было зафиксировано в третьем приложении к Новому английскому словарю в пятидесятые в форме «dŏing»: кажется, оно зародилось в авиации во время Шестилетней войны.

— И не забудьте, что это звукоподражание, — произнес Фрэнкли. — Ценность подобного слова определить нетрудно — если его вообще можно назвать настоящим словом. И потом, изобретение совершенно нового — совсем не то, что скверное обращение со старым. Все равно что ограбить Питера, чтобы облагодетельствовать Пола. Если бы не реакционеры, этот лексикографический социализм привел бы к тому, что весь словарный запас языка превратился бы в сплошную бессмыслицу, безвкусную и нудную.

— И что, никто не вернет бедолаге Питеру его штаны? — рассмеялся Лаудем. — Вот увидишь, у него в шкафу имеется еще несколько пар. Просто ему надо привыкнуть носить модные «whaffing» и «whooshing». И почему бы и нет? Ты возражаешь против Языка, корня и

не безучастны, пусть даже любители макаронников проявляют лишь умеренную вежливость.

Он ненадолго умолк.

— Со мной тут кое-что странное стряслось… ладно, поговорим об этом как-нибудь в другой раз. Уже поздно. Может, на каникулах?

— Меня не будет, — произнес Рэймер несколько холодно, — я вернусь лишь после Пасхи.

— А, понятно. Но ты приходи на собрания в следующем триместре! У тебя, должно быть, есть еще о чем нам рассказать. А я постараюсь быть пай-мальчиком.

После ветреного дня ночь выдалась прохладная и ясная. На западе вызвездило, но луна уже взошла. У ворот Брейзноз-колледжа Лаудем обернулся. На фоне освещенного луной неба темнел исполинский силуэт Библиотеки Радклиффа [2]. Легкий ветер с востока нес белые пряди облаков. На мгновение одно из них приняло вид струйки дыма, поднимающейся над куполом из башенки светового фонаря.

Лаудем взглянул вверх, и его лицо изменилось. Он застыл, не сводя глаз с купола и хмуря темные брови: высокий и мощный, он сделался еще выше и осанистей. Его лицо казалось бледным и разгневанным, а глаза сверкали.

— Будь он проклят! Да поглотит его Тьма! — с ожесточением произнес он. — Да разверзнется земля…

Облако исчезло. Лаудем провел рукой по лбу.

— Я собирался сказать… — произнес он. — Нет, не помню. Что-то про Библиотеку вроде бы. Неважно. Спокойной ночи, друзья!

Он постучал и прошел в дверь.

Мы двинулись по переулку.

— Очень странно! — произнес я. — До чего же чудно́ он порой себя ведет. Диковинная смесь.

— Верно, — отозвался Рэймер. — Наши глаза по большей части видят черепаший панцирь, броню. Он редко говорит о том, что его по-настоящему волнует.

— Уж не знаю почему, но две-три последние встречи выбили его из колеи и что-то в нем разбередили, — сказал я. — Ума не приложу, в чем дело.

— Да, любопытно… — произнес Рэймер. — Ну ладно, Ник, спокойной ночи. До встречи в следующем триместре. Надеюсь, теперь я снова буду ходить без пропусков.

Расстались мы в конце переулка, там, где он выходит на Терл-Стрит.

Ночь 65-ая. Четверг, 8 мая 1987 г.

Это было первое собрание весеннего триместра. Встречались мы в комнатах Фрэнкли в Квинз-колледже. Джереми и Гилдфорд прибыли первыми (вовремя); прочие появлялись по одному (с опозданием). На этот вечер не было никаких определенных планов, хотя мы надеялись снова послушать Рэймера; однако тот выглядел нерасположенным продолжать свой рассказ. Около часа разговор перепрыгивал с одной темы на другую, но ничего достойного упоминания сказано не было.

Лаудем был как на угольях и не присел; время от времени он разражался песней (с нею он и явился примерно в половине десятого). Начиналась она так:

О практике исполнения Клятвы

Подтверждение или опровержение реконструированного содержания Клятвы возможно лишь через анализ реальной практики её исполнения. Известно, что Клятвой были обусловлены следующие деяния Феанора и его сыновей:

(1’) поход в Среднеземье для отмщения Морготу и возвращения Сильмариллей,

(2’) отказ принять требования Моргота после захвата Майдроса в заложники (...Morgoth held Maedhros as hostage, and sent word that he would not release him unless the Noldor would forsake their war, returning into the West, or else departing far from Beleriand into the South of the world. But the sons of Fëanor knew that Morgoth would betray them, and would not release Maedhros, whatsoever they might do; and they were constrained also by their oath, and might not for any cause forsake the war against their Enemy (опубликованный «Сильмариллион», гл. 13)),

(3’) отказ поддержать поход Берена и Финрода,

(4’) требование Элу Тинголу вернуть Камень (незадолго до Битвы Слёз),

(5’) аналогичное требование Диору Элухилю,

(6’) последующее нападение на Дориат,

(7’) такое же (но сопровождающееся предложением дружбы) требование к Эльвинг,

(8’) последующее нападение на Арвернриен,

(9’) требование к Эонвэ,

(10’) нападение на лагерь валинорского войска; а также...

(11’) гипотетическое нападение на войско гномов, возвращающееся из Дориата: 503. Birth of Earendil in Gondolin. The Dwarves invade Doriath. Thingol is slain and his realm ended. Melian takes Nauglamir to Beren and Luthien and then returns to Valinor. Celegorm and Curufin destroy the Dwarf-host at Sarn-athrad in Rath-loriel; and are wroth to find the Silmaril not there. Dior goes to Doriath (HoME XI, «Повесть Лет» (версия B)).

Клятва и её последствия описаны в «Сильмариллионе» так, чтобы настроить читате-

ля на априорно негативное восприятие всех связанных с ней событий. Справедливости ради, читатель в конечном счёте получает основания не возражать против такой подачи. И всё-таки в характере повествования объективно прослеживается предвзятое отношение. Так, в перечне деяний во исполнение Клятвы почему-то не рассматриваются (12') Битва-под-Звёздами, (13') Осада Ангбанда и (14') Союз Майдроса. А ведь они отличаются от тех событий, что «на слуху», не побудительными причинами, а только направленностью: против Моргота, а не против эльфов. Из-за этого они не перестают быть порождением Клятвы, и не должны ускользать от внимания. Раз так, то ставшая традиционной для фэндома трактовка Клятвы как «злой сущности» оказывается недостаточна для объяснения её последствий. Необходимо пересмотреть совокупность связанных с ней деяний во всей их полноте, – в свете новой интерпретации Клятвы как осознанной декларации целей и политики Дома.

Увы, почти никогда не рассматриваются ситуации, в которых феанаринги воздерживаются от действий, как будто бы требуемых Клятвой (даже в легчайших её вариантах), либо совершают поступки, прямо противоречащие словам Клятвы. А ведь они, пожалуй, даже более важны, т.к. очерчивают границы применимости Клятвы. Между тем, число таких эпизодов значительно. Это:

(15') игнорирование большинством братьев отказа Тингола вернуть Камень (And every day that he [Thingol] looked upon the Silmaril the more he desired to keep it for ever; for such was its power. Therefore he sent back the messengers with scornful words. Maedhros made no answer, for he had now begun to devise the league and union of the Elves) (1),

(16') отказ от нападений на Тингола в Дориате (2),

(17') переговоры с Морготом о возвращении одного Камня,

(18') отказ от преследования Лутиэн,

(19') отказ от преследования Эарендиля,

(20') промедление в отношении Эльвинг,

(21') отказ от преследования Маблунга, и...

(22') ...эльфов, доставивших Сильмариль Диору.

Удивительно, что исследователи практически «не замечают» этих обстоятельств, как будто Наталья Прохорова напрасно писала статью о добродетели недеяния.

Итого, в общей сложности мы имеем 22 события, так или иначе завязанных на Клятву. Из них три безусловно положительны и не вызывают чьих-либо нареканий (3) – войны против Моргота; три являются войнами против Эльфов, удерживающих Сильмариль (есть и одна война против гномов, но в каноническом «Сильмариллионе» это деяние совершает Берен, а не Келегорм с Куруфином); два случая – воздержание от действий, противоречащих Клятве; семь случаев воздержания от действий, предписанных Клятвой (один из них в конце концов всё-таки закончился войной); пять случаев проведения переговоров о возвращении Камня (среди которых один был прямым нарушением Клятвы).

Что касается самого первого деяния – похода в Среднеземье… Это сложное, комплексное явление, обусловленное не только и не столько Клятвой и стремлением вернуть Сильмарилли, сколько судьбой Арды и эльфийского народа в замыслах Эру. Возвращение Сильмариллей можно

Вниманию читателей предлагается фрагмент недавно законченного русского перевода «Записок клуба 'Мнение'». Этот незаконченный роман, над которым Толкин работал в конце Второй мировой, был опубликован в 9 томе «Истории Средиземья». Он представлен автором как публикация рукописи, случайно обнаруженной в Оксфорде в 2012 году и содержащей протоколы встреч клуба интеллектуалов.

Герои романа (подозрительно напоминающие Инклингов) обсуждают широкий круг тем, который не исчерпывается литературой и историей. Для публикации в «Палантире» выбрано начало второй части «Записок», где все эти темы входят в соприкосновение с известной нам Ардой, а точнее – с концом Нумэнора.

Сложно устроенный текст романа содержит комментарии «внутреннего редактора», некоего мистера Говарда Грина – человека, который нашел протоколы заседаний и опубликовал их, вдобавок «Записки» комментировал и «внешний» редактор – Кристофер Толкин. Потому данный фрагмент был адаптирован для журнальной публикации и снабжен комментариями переводчика, основанными на комментариях К.Толкина. Комментарии Говарда Грина выделены квадратными скобками, сноски отсылают к комментариям переводчика.

Анариэль Ровэн
11 июля 2015

Ночь 63-я. Четверг, 13 марта 1987 г.
[Сохранилась лишь последняя страница отчета об этом собрании.]

— Доброй ночи, Фрэнкли!

Кажется, Лаудем чувствовал себя слегка виноватым за свое озорство; и когда все наконец разошлись, он отправился по Хай-Стрит вместе со мной и Рэймером. Мы свернули на Радклифф-сквер.

— Опять я, Рэймер, дурака свалял, — сказал Лаудем. — Прости меня! Я себе просто места не находил: то ли драки хотелось, то ли кутежа, сам не знаю. Но мне и в самом деле было очень интересно, в особенности — про имрам [1]. В глубине души мы, ценители нордического, отнюдь

Jochens, Jenny. *Old Norse Images of Women*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1996.

Macher, Michael W. *"A Land without Stain": Medieval Images of Mary and Their Use in the Characterization of Galadriel* // Chance, Jane, ed. *Tolkien the Medievalist*. – 1st ed. London, New York: Routledge, 2003. – P. 225 – 236.

Moorman, Charles. *The Shire, Mordor, and Minas Tirith* // Isaacs, Neil D. and Rose A. Zimbardo, eds. *Tolkien and the Critics: Essays on J. R. R. Tolkien's "The Lord of the Rings."* Notre Dame, IN: University of Notre Dame Press, 1968. – P. 201–217.

Overing, Gillian. *The Women of* Beowulf*: A Context for Interpretation*. //*Beowulf: Basic Readings*, ed. Peter S. Baker. New York: Garland, 1995. – P.219–260.

Rawls, Melanie. *The Feminine Principle in Tolkien* // *Mythlore* 10, no. 4 (spring 1984). – P. 5–13.

Sanford, Len. *The Fall from Grace – Decline and Fall in Middle-Earth: Metaphors for Nordic and Christian Theology in* The Lord of the Rings *and* The Silmarillion // *Mallorn* 32 (September 1995). – P. 15–20.

Senior, W.A. *Loss Eternal in J. R. R. Tolkien's Middle-Earth* // Clark, George and Daniel Timmons, eds. *J. R. R. Tolkien and his Literary Resonances: Views of Middle-earth*. Contributions to the Study of Science Fiction and Fantasy, vol. 89. Westport, CT and London: Greenwood Press, 2000. – P. 173–182.

Shippey, Thomas A. *The Road to Middle-earth*. London: Allen and Unwin; Boston: Houghton Mifflin, 1982. Rev. ed., Hammersmith: Grafton, 1992.

Shippey, Thomas A. *Tolkien's Sources: The True Tradition* // de Koster, Katie, ed. *Readings on J. R. R. Tolkien*. Greenhaven Press Literary Companion to British Authors. San Diego, CA: Greenhaven Press, 2000. – P.153–161

Sly, Debbie.*Weaving Nets of Gloom: 'Darkness Profound' in Tolkien and Milton* // Clark, George and Daniel Timmons, eds. *J. R. R. Tolkien and his Literary Resonances: Views of Middle-earth*. Contributions to the Study of Science Fiction and Fantasy, vol. 89. Westport, CT and London: Greenwood Press, 2000. – P. 109–119.

St. Clair, Gloriana. *An Overview of the Northern Influence on Tolkien's Works* // Reynolds, Patricia and Glen H. GoodKnight, eds. *Proceedings of the J. R. R. Tolkien Centenary Conference, Keble College, Oxford, 1992*. Combined issue of *Mythlore* 80; *Mallorn* 30. Milton Keynes, U.K.: Tolkien Society; Altadena, CA: Mythopoeic Press, 1995. – P. 63–67.

Sullivan, C. W., III. *Tolkien the Bard: His Tale Grew in the Telling* // Clark, George and Daniel Timmons, eds. *J. R. R. Tolkien and his Literary Resonances: Views of Middle-earth*. Contributions to the Study of Science Fiction and Fantasy, vol. 89. Westport, CT and London: Greenwood Press, 2000. – P. 11–20.

считать отдельной задачей в рамках Исхода; но, если представить, что, захватив Камни, Моргот попытался бы скрываться или укрепиться в само́м Амане, эта задача решалась бы независимо (и, вероятно, обретение Камней стало бы предварительным условием Исхода, то есть он произошел бы лишь после того, как Камни были возвращены). Так или иначе, возвращение нолдор в Среднеземье состоялось бы при любых обстоятельствах, в том числе – если бы Сильмарилли вовсе не были захвачены; а последствия у него слишком фундаментальны для всей Арды. Поэтому мы не будем специально рассматривать Исход как историческое действие Клятвы.

Теперь остановимся на каждом из блоков отдельно и подробнее.

Войны с Морготом

Здесь всё достаточно очевидно. Клятва требует преследования Моргота и возвращения Сильмариллей: поэтому сыновья Феанора селятся на севере, в землях, наиболее угрожаемых со стороны Ангбанда, и не забывают о войне. Они продолжают изыскивать возможности для победы даже после тяжелейшего поражения в Дагор Браголлах (и, насколько можно понять, после Дагор Нирнаэт – тоже). Если некоторые из нолдор пытаются ещё до падения Ангбанда найти себе в Белерианде новый дом и обустроить его, то государственное строительство и военные союзы феанориони, похоже, подчинены главным образом задачам войны. Это хорошо видно из политики Дома в Первую Эпоху: сотрудничества и союза с гномами, открытой готовности Майдроса принимать на службу любого, стремления к установлению тесного союза с Дориатом (на попытки чего другие нолдор даже не отваживались, чувствуя «дружбу» с дориатрим недостаточной для столь серьёзного сближения; но феанорингі строили союзнические отношения на основе общих интересов и целей, а не дружбы или исторической близости).

Переговоры

Как можно видеть, ни одна из попыток вернуть Сильмариль военной силой не обходилась без предварительных переговоров о мирной передаче Камня. Данный факт сам по себе служит абсолютным подтверждением тому, что цель Клятвы – возвращение Камней, а не месть.

Вдобавок к этому, один эпизод выделяется особо и заслуживает детального рассмотрения: это переговоры с Морготом о возвращении одного Камня из трёх, поскольку здесь стремление вернуть хотя бы один Камень доводит братьев, ни много ни мало, до нарушения Клятвы.

В текстах сюжет выглядит так: после гибели Феанора к его сыновьям прибыли посланцы Моргота. Он признавал поражение, предлагал заключить мир, и даже – вернуть один из Сильмариллей: But even in the hour of the death of Feanor an embassy came to his sons from Morgoth, acknowledging defeat, and offering terms, even to the surrender of a Silmaril (опубликованный «Сильмариллион», гл. 13).

Но! Пускай переговоры завершились бы успешно, и передача одного Камня феанорингам состоялась; два других остались бы у Врага. Клятва же требует возвращения всех удерживаемых Камней, а значит, возвращение лишь одного из трёх не прекращает её действия. Между тем, проведение переговоров означало вре́менную приостановку вражды, перемирие – и

тем самым нарушало Клятву даже в минимальной её формулировке ("enmity forever" – «Рассказ Гильфанона»). Если бы Камни находились у разных лиц и переговоры велись с кем-то, обладающим лишь одним из трёх, то подобное отступление от Клятвы можно было бы понять как способ исполнить её быстрее, «закрыв вопрос» по одному из направлений вражды и сосредоточив усилия на других. Но феаноринги находились в иной ситуации! Им в любом случае предстояло снять с Моргота его корону с Сильмариллями – не важно, будет их там три или два. Невозможность отказаться от войны проявилась в полной мере чуть позже, при обсуждении условий освобождения Майдроса: Morgoth held Maedhros as hostage, and sent word that he would not release him unless the Noldor would forsake their war, returning into the West, or else departing far from Beleriand into the South of the world. But the sons of Feanor knew that Morgoth would betray them, and would not release Maedhros, whatsoever they might do; and they were constrained also by their oath, and might not for any cause forsake the war against their Enemy (опубликованный «Сильмариллион», гл. 13). Таким образом, братья преступили Клятву, когда это не сулило им оправдания через отмену вражды – как было бы, если бы речь шла о возвращении всех удерживаемых Морготом Сильмариллей. Их поступок можно объяснить лишь одним способом: Первому Дому Камни действительно требовались для неких утилитарных нужд, а не статуса, и задача возвращения хотя бы одного была достаточно важна, чтобы временно закрыть глаза на Клятву.

Позднейшие переговоры с эльфами или Эонвэ были иными: в них речь шла обо всех Камнях, находящихся в руках другой стороны. Поэтому в таких будущих переговорах феанориони не преступили Клятвы, но только граничили с её нарушением.

Бытует мнение, что в случае с Морготом братья не собирались заключать перемирия, более того, замышляли обман – поскольку привели на переговоры больше войск, чем было оговорено. Именно так выглядит этот сюжет в «Чёрной книге Арды». Мы не согласны с подобной трактовкой и считаем, что речь идёт не более чем о мере предосторожности, обусловленной недоверием к Врагу и предвиденьем. Само предложение Врага о мире оказалось обманом, и немудрено, что феанориони заранее опасались такой возможности. Меры предосторожности действительно оказались не лишними, только недостаточными. Воинов, пришедших с Майдросом, не хватило, чтобы отбиться от Врага, но это означает лишь, что феанориони не умеют врать и не представляют весь размах способностей и возможностей Моргота.

Воздержание от действий, требуемых Клятвой

Отказ от преследования Тингола, Лутиэн и Эарендиля, равно как и Маблунга, и эльфов, доставивших Сильмариль Диору, является прямым нарушением Клятвы даже в базовой формулировке, гласящей, что преследованиям подвергнется любой. Обычно это списывают на действие особых обстоятельств, как то: личное вмешательство Эру Илуватара в жизнь Лутиэн и физическая невозможность добраться до неба, где находится Эарендиль. Однако! Выводят ли эти обстоятельства Лутиэн и Эарендиля из-под действия Клятвы?

Минимальная формулировка – три базовых мотива – требуют преследования любого безотносительно его качеств и местонахождения. Иногда говорят, что актуальный перечень живущих (постоянный мотив № 4) мог бы исключить Лутиэн – в списке отсутствуют живые мертвецы;

Литература

Armstrong, Helen. *Good Guys, Bad Guys, Fantasy and Reality* // Reynolds, Patricia and Glen H. GoodKnight, eds. *Proceedings of the J. R. R. Tolkien Centenary Conference, Keble College, Oxford, 1992*. Combined issue of *Mythlore* 80; *Mallorn* 30. Milton Keynes, U.K.: Tolkien Society; Altadena, CA: Mythopoeic Press, 1995. – P. 247–252.

Bryce, Lynn. *The Influence of Scandinavian Mythology on the Works of J. R. R. Tolkien* // *Edda: Nordisk Tidsskrift for Literaturforskning* 2 (1983). – P. 113–119.

Burns, Marjorie. *Gandalf and Odin* // Flieger, Verlyn and Carl F. Hostetter. *Tolkien's Legendarium: Essays on "The History of Middle-earth"*. Contributions to the Study of Science Fiction and Fantasy, 86. Westport, CT and London: Greenwood Press, 2000. – P. 219–232.

Chance, Jane. *Grendel's Mother as Epic Anti-type of the Virgin and the Queen* // *Interpretations of Beowulf: A Critical Anthology*, ed. R.D. Fulk. Bloomington: Indiana University Press, 1991. – P. 251–263.

Crowe, Edith L. *Power in Arda: Sources, Uses, and Misuses* // Reynolds, Patricia and Glen H. GoodKnight, eds. *Proceedings of the J. R. R. Tolkien Centenary Conference, Keble College, Oxford, 1992*. Combined issue of *Mythlore* 80; *Mallorn* 30. Milton Keynes, U.K.: Tolkien Society; Altadena, CA: Mythopoeic Press, 1995. – P. 272–277.

Curry, Patrick. *'Less Noise and More Green': Tolkien's Ideology for England* // Reynolds, Patricia and Glen H. GoodKnight, eds. *Proceedings of the J. R. R. Tolkien Centenary Conference, Keble College, Oxford, 1992*. Combined issue of *Mythlore* 80; *Mallorn* 30. Milton Keynes, U.K.: Tolkien Society; Altadena, CA: Mythopoeic Press, 1995. – P. 126–138.

Damico, Helen. *"Beowulf"'s Wealhtheow and the Valkyrie Tradition*. Madison: University of Wisconsin Press, 1984.

Damico, Helen. *The Valkyrie Reflex in Old English Literature* // *New Readings on Women in Old English Literature*, ed. Helen Damico and Alexandra Hennessey Olsen. Bloomington: Indiana University Press, 1990. – P. 176–190.

Davidson, Hilda Ellis. *Roles of the Northern Goddess*. London: Routledge, 1998.

Evans, Jonathan. *The Dragon-lore of Middle-earth: Tolkien and Old English and Old Norse Traditions* // Clark, George and Daniel Timmons, eds. *J. R. R. Tolkien and his Literary Resonances: Views of Middle-earth*. Contributions to the Study of Science Fiction and Fantasy, vol. 89. Westport, CT and London: Greenwood Press, 2000. – P. 21–38.

Fenwick, Mac. *Breastplates of Silk: Homeric Women in* The Lord of the Rings//*Mythlore* 21, no. 3 (summer 1996). – P. 17–23.

Goselin, Peter Damien. *Two Faces of Eve: Galadriel and Shelob as Anima Figures* // *Mythlore* 6, no. 3 (summer 1979). – P. 3–4.

Hopkins, Lisa. *Female Authority Figures in the Works of Tolkien, C. S. Lewis and Charles Williams* // Reynolds, Patricia and Glen H. GoodKnight, eds. *Proceedings of the J. R. R. Tolkien Centenary Conference, Keble College, Oxford, 1992*. Combined issue of *Mythlore* 80; *Mallorn* 30. Milton Keynes, U.K.: Tolkien Society; Altadena, CA: Mythopoeic Press, 1995. – P. 364–366.

Sigrd – Речи Сигрдривы
Sigsk – Краткая песнь о Сигурде
Völ – Песнь о Вёлунде
VS – Сага о Вёльсунгах
Vsp – Прорицание вёльвы

Источники

Jónsson, Guðni, ed. *Völsunga saga // Fornaldar sögur Norðurlanda*. Vol. 4. 1954. Rpt., Reykjavik: Íslendinga-sagnaútgáfan, 1981.

Kershaw, Nora, ed. *Anglo-Saxon and Norse Poems*. Cambridge: Cambridge University Press, 1922.

Klaeber, Fr., ed. "*Beowulf" and "The Fight at Finnsburg*." 3rd ed., with 1st and 2nd supplements. Lexington, MA: D. C. Heath, 1950.

Neckel, Gustav, ed. *Edda: Die Lieder des Codex Regius nebst verwandten Denkmälern*. 4th ed., rev. Hans Kuhn. Heidelberg: Carl Winter, 1962.

Sturluson, Snorri. *Edda: Prologue and Gylfaginning.* Ed. Anthony Faulkes. Oxford: Clarendon Press, 1982.

Timmer, B. J., ed. *Judith*. Exeter: University of Exeter Press, 1966.

Tolkien, J.R.R. *The Fellowship of the Ring, Being the first part of The Lord of the Rings*. 2nd ed. London: Allen & Unwin, 1966; Boston: Houghton Mifflin, 1967

Tolkien, J.R.R. *The Letters of J. R. R. Tolkien.* Selected and ed. by Humphrey Carpenter with the assistance of Christopher Tolkien. London: George Allen & Unwin, 1980; Boston: Houghton Mifflin, 1981

Tolkien, J.R.R. *"The Monsters and the Critics" and Other Essays*. Ed. Christopher Tolkien. London: Allen & Unwin, 1983; Boston: Houghton Mifflin, 1984.

Tolkien, J.R.R. *The Return of the King, Being the third part of The Lord of the Rings*. 2nd ed. Boston: Houghton Mifflin, 1965.

Tolkien, J.R.R. *The Tolkien Reader*. New York: Ballantine, 1966.

Tolkien, J.R.R. *Tree and Leaf.* 2nd ed. London: HarperCollins, 1988.

Tolkien, J.R.R. *The Two Towers, Being the second part of The Lord of the Rings*. 2nd ed. Boston: Houghton Mifflin, 1965.

Tolkien, Christopher, ed. and trans. *The Saga of King Heidrek the Wise*. London: Thomas Nelson and Sons, 1960.

Woolf, Rosemary, ed. *Cynewulf's Juliana*. Exeter: University of Exeter Press, 1966.

но среди постоянных мотивов есть также и оговорка, добавляющая к списку «любое создание,… какое время явит до скончания дней» (постоянный мотив № 5). Брюнеты в перечислении тоже специально не упоминаются, но это же не значит, что Клятва применима лишь к блондинам?

В отношении Эарендиля есть уточнение о повсеместности действия Клятвы в пределах Арды до самых краёв мира; находится ли небо внутри или вне этих краёв? Хотя в «Амбарканте» Румиля термин «менель» не встречается, и нам сложно сопоставить этот рассказ об устройстве сугубо плоского мира в океане вакуума/вайя с более поздней космогонией, можно обратить внимание на этимологию и употребление слова «менель». Оно образовано из элемента *men* («направление, область») и основы *el* («звезда»), а означает «небесный свод, высокое небо, область расположения звёзд» (причём эльфы отнюдь не думали о "menel" как о «тверди» или сфере определённого радиуса). По всей видимости, «менель» – это удалённое, звёздное небо, а не область расположения Луны, планет и Солнца. В то же время существует выражение «Арда и Менель» – вероятно, именно в такой устойчивой формулировке. Должно быть, оно примерно соответствует нашему «земля и небо». Однако, если «небом» здесь обозначается лишь пространство, занимаемое ночными звёздами, то в первую категорию, «Арда», попадают и ближние окрестности населённого мира – пространство, включающее его звёздную систему (примечание 11 к «Атрабет»). В последнем случае Эарендиль пребывает в пределах «мира» даже в своих космических странствиях. Впрочем, мы не знаем, каким квенийским словом Толкин передал бы английское "world", если бы решил перевести Клятву «на язык оригинала» – Арда, «амбар»?.. И порой термин «Арда» употребляется иначе, с явным указанием, что корабль Эарендиля покидает её и возвращается. Непонятно, как это возможно для эльфа, привязанного к Арде (см. гл. 1 опубликованного «Сильмариллиона» о судьбе эльфов) – а ведь Эльвинг и Эарендиль избрали судьбу эльфов. Возможно, разгадка в свойствах Сильмариля... Но, так или иначе, само это описание указывает, что порою Эарендиль оказывается в пределах Арды; известен и случай посещения им Среднеземья – в конце Войны Гнева, в сражении с крылатыми драконами. Таким образом, географически он остаётся в поле действия Клятвы.

Что касается Маблунга и различных курьеров, прикасавшихся к Сильмарилю лишь ненадолго и не хранивших Камень для себя, то для них нет даже такой неубедительной «защиты», как пребывание «вне Арды». Засим, объяснение их не-преследованию придётся искать внутри самой Клятвы.

Есть лишь один мотив, позволяющий вывести кого-либо из-под действия Клятвы, и он применим к любому: уточнение, что Камень должен удерживаться узурпатором против воли Первого Дома (дополнительный мотив № 15). Феанорингам достаточно провозгласить, что узурпатор владеет Камнем с их согласия, и действие Клятвы прекратится.

Именно это наблюдается при встрече первого восхода Гиль-Эстель феанорингами: нет никакого отчаяния, нет риторических вопросов о том, как достать Эарендиля в небе; вместо этого прослеживается явное удовлетворение сложившимся положением дел: And when this new star was seen at evening, Maedhros spoke to Maglor his brother, and he said: "Surely that is a Silmaril that shines now in the West?" And Maglor answered: "If it be truly the Silmaril which we saw cast into the sea that rises again by the power of the Valar, then let us be glad; for its glory is seen now by

many, and is yet secure from all evil.” (*опубликованный «Сильмариллион», гл. 24)*. Очевидно, что братья не собираются даже задуматься о разработке способов добраться до неба.

Если так, то почему бы феанорингам не признать всех «своих», вместо того чтоб ходить на некоторых войной? Раз они поступают иногда так, а иногда иначе, причины нужно рассмотреть для каждого случая отдельно: если есть общезначимая причина, она и найдётся.

Проще всего случаи Маблунга (конец гл. 19 опубликованного «Сильмариллиона») и посланцев (гл. 22): никто из них не хранит Камни. Первоначальные и поэтические формулировки Клятвы никак их не затрагивают, поскольку говорят лишь о тех, кто фактически завладеет Сильмариллями («Рассказ Гильфанона», «Науглафринг», «Бегство Нолдоли из Валинора», «Лэ о Лейтиан», «Самый ранний Сильмариллион» IV тома, «Самые ранние Анналы Валинора» IV тома). Со всей определённостью эти эльфы (и Берен) подпадают лишь под самый поздний вариант, версию «Анналов Амана», упоминающую тех, кто «возьмёт или выбросит» Камень Феанора (whoso hideth or hoardeth, or in hand taketh, finding keepeth or afar casteth a Silmaril). Классические изложения Клятвы оставляют такие действия в сумеречной зоне: в них вроде бы предполагается карать тех, кто «возьмёт» Сильмариль (“take”), но акцент делается на удержании Камня (“hold or keep”) («Квента» IV тома, «Квента Сильмариллион» V тома, опубликованный «Сильмариллион»). Формулировка начинает меняться в эту сторону в «Лэ о Лейтиан», но там «взятие» Камня ещё нельзя отделить от его сохранения. Да и в этих версиях “take” может означать всего лишь «отнимет» – именно в таком смысле, «возьмёт и удержит», передаёт слова Келегорма прозаический вариант «повторения» Клятвы в Нарготронде: исходное расплывчатое “whoso take or steal or finding keep a Silmaril” («Лэ о Лейтиан») заменяется на чёткое “if he take or find a Silmaril *and* keep it” (опубликованный «Сильмариллион», гл. 19).

Очевидно, сыновья Феанора не видели смысла в том, чтобы мелочно мстить тем, кто лишь исполнял чужие решения и держал Сильмариль при себе недолго и случайно. Такое преследование могло бы служить только террору, запугиванию всех, кто в будущем может иметь дело с обладателями Сильмариллей. Похоже, такой цели феаноринги не ставили.

Причём ни Маблунг, ни лаиквенди на самом деле не имели намерения завладеть Камнем и действовали как агенты чужой воли. Это качественно отличает их от Берена и Финрода, которые сами являлись источником инициативы в истории с добычей Сильмариля, что, в свою очередь, позволяет понять, почему Келегорм всё же отговаривает Финрода и Берена от попытки добыть Сильмариль и отдать Тинголу (“Neither thee nor this Man should we suffer to keep or to give a Silmaril of Feanor. Against thee would come all the brethren to slay thee rather” (*«Серые Анналы»*)), утверждая, что Финрод скорее будет убит в силу Клятвы (хотя уже лишится Камня) – по всей видимости, в рамках Клятвы феаноринги предпочитают иметь дело лишь с принимающими решение. Разумеется, они постарались бы перехватить и гонца из Оссирианда, если бы знали, что лаиквенди отправили Сильмариль в Дориат; но, отдав Камень Диору, этот эльф уже не представлял интереса. Финрод и Берен – другое дело: если им удастся неслыханное, и Камень из короны Моргота окажется в их руках, то распорядятся добычей они по собственной воле, относительно свободно.

Примеры Маблунга и лаиквенди – лишняя причина отвергнуть детали изложения

литературе» (The Valkyrie Reflex in Old English Literature).

(13) Так как вариант имени героини Galadhriel – «госпожа деревьев» – фигурирует только в «Сильмариллионе», то очевидно, что во «Властелине Колец» Толкин делает сознательный выбор, чтобы подчеркнуть связь этой эльфийской королевы со светом.

(14) Цитаты из «Вороновой песни» взяты у Н. Кершо (Kershaw, 1922, p. 76–87)

(15) Хотя древнеанглийская Юдифь – библейская героиня, Дэмико считает, что и в ней заметно отражение образа валькирии (Damico, 1990, p. 185).

(16) О том, что Галадриэль обладает физической силой и отвагой, равными мужским или даже превосходящими их, можно предположить из замечания в Приложении В к «Властелину Колец», что «Галадриэль обрушила стены Дол Гулдура и обнажила его подземелья» (Galadriel threw down its [Dol Guldur] walls and laid bare its pits).

(17) См., напр., Сигрдриву (*Sigrd,* строки 2–4) в «Старшей Эдде» и Брюнхильд в «Саге о Вёльсунгах», гл. 21.

(18) В «Беовульфе» это слово употребляется три раза, из них два – в связи с Вальхтеов, подносящей чашу согласно церемонии, и единственный оставшийся раз – применительно к Унферту, который «напился вина» (wīne druncen) (строка 1467). Даже эта последняя цитата может отражать церемониальный аспект вина, так как вызывает в памяти сцену, в которой Унферт, исполняя свою официальную роль глашатая (thyle), дарит Беовульфу особый меч древнего происхождения.

(19) Цитаты из «Речей Эйрика» взяты у Н. Кершо (Kershaw, 1922, p. 93 – 99).

(20) Галадриэль, объясняя свою ограниченную власть над Зеркалом, говорит:

Я могу повелеть Зеркалу отразить многое,… и немногим я могу показать то, что они желают видеть. Но Зеркало также показывает те вещи, которые его не просят показывать, и они часто более странны и полезны, чем то, что мы хотим видеть. Что вы увидите, если вы предоставите Зеркалу свободу, я не могу сказать. Ибо оно показывает и то, что было, и то, что есть, и то, что только может быть. Но даже мудрый не всегда может понять, что именно из этого он видит.

(*FR*, p. 377)

(21) См. письмо Дж.Р.Р. Толкина к Джоанне де Бортадано (*Letters*, p. 216–217).

(22) Еще одно подробное обсуждение темы вечной потери у Толкина см. в (Senior, 2000).

Список сокращений

FR – The Fellowship of the Ring

RK – The Return of the King

TT – The Two Towers

Faf – Речи Фафнира

HHv – Песнь о Хельги сыне Хьёрварда

HHI – Первая песнь о Хельги Убийце Хундинга

HHII – Вторая песнь о Хельги Убийце Хундинга

PrE – Младшая Эдда

сюжета женские персонажи трилогии, наиболее отчетливо при этом ассоциирующиеся с древнегерманской традицией изображения валькирий – Галадриэль, Шелоб, Эовин и Арвен.

(7) Об общих вопросах, касающихся образа валькирии в древнескандинавской литературе и культуре, см. работу Дж. Джоушенс «Древнескандинавские образы женщин» (*Old Norse Images of Women*), а также книгу Х.Э. Дэвидсон «Лики северной богини» (*Roles of the Northern Goddess*).

(8) Корпус цитируемых в данной статье древнегерманских мифологических и героических литературных текстов, в которых образы валькирий обрисованы наиболее четко, включает следующие древнескандинавские тексты: «Сагу о Хервёр», «Старшую Эдду», «Младшую Эдду» (*PrE*) и «Сагу о Вёльсунгах» (*VS*). Тексты, обычно рассматриваемые как часть «Старшей Эдды», цитируются с указанием номеров строф и обозначаются следующими сокращениями: «Песнь о Хельги сыне Хьёрварда» – *HHv*, «Первая песнь о Хельги Убийце Хундинга» – *HH*I, «Вторая песнь о Хельги Убийце Хундинга» – *HH*II, «Речи Фафнира» – *Faf*, «Речи Сигрдривы» – *Sigrd*, «Краткая песнь о Сигурде» – *Sigsk*, «Песнь о Вёлунде» – *Vol* и «Прорицание вёльвы» – *Vsp*. Кроме того, благодаря близкому родству древнескандинавской и англосаксонской культур, в таких древнеанглийских текстах, как «Беовульф», «Юдифь» и «Юлиана», присутствуют женщины, которым часто приписываются характеристики, свойственные валькириям. Отсылки к этим древнеанглийским поэмам делаются с указанием номеров строк по следующим источникам: Klaeber, ed. *"Beowulf" and "The Fight at Finnsburg"*, 3rd ed., with 1st and 2nd; Timmer, ed. *Judith*и Woolf, ed. *Cynewulf's Juliana*. Все переводы на современный английский язык с древнеисландского и древнеанглийского принадлежат мне (– Л.Д.).

(9) См. напр., Хервёр в «Саге о короле Хейдреке» и Брюнхильд в «Саге о Вёльсунгах». Хотя Лобелия Саквилль-Бэггинс в конце концов поднимает руку на врагов Шира, отвечая на оскорбления, нанесенные ей самой и социуму хоббитов, к которому она принадлежит, я ограничиваю свое исследование теми женскими персонажами, которые играют важную или ключевую роль в развитии сюжета повествования.

(10) Подстрекательство героя на какие-либо поступки – наиболее часто упоминаемая характеристика древнескандинавских женских персонажей, особенно тех, которые изображаются как валькирии. Однако, так как Толкин при создании своих женских персонажей, напоминающих валькирий, почти полностью отказывается от этой черты, роль подстрекательницы в данном исследовании не рассматривается. О средневековых героинях-подстрекательницах см. у Джоушенс.

(11) Подробные исследования толкиновских героинь «Властелина Колец» с использованием феминистского или гендерного подходов (какие используются у Элен Сиксу, Юлии Кристевой, Джудит Батлер и Люс Иригарэ) могут стать ценным дополнением к современному изучению творчества Толкина. Но так как эти исследования не входят в основную тематику данной главы, обсуждение этих понятий дается здесь лишь конспективно.

(12) По поводу дальнейшего анализа образа валькирии в древнеанглийской литературе см. работы Х. Дэмико «Вальхтеов «Беовульфа» и традиция изображения валькирий» *("Beowulf"'s Wealhtheow and the Valkyrie Tradition)* и *«Отражение образа валькирии в древнеанглийской*

Клятвы в поздних «Анналах Амана»: феанаринги не просто не следуют, но даже не пытаются следовать мелочным указаниям этого текста. Вероятно, братья не читали «Анналов» и не были знакомы с приведённой там формулой Клятвы.

Случай Эарендиля тоже особых сложностей не вызывает, так как за нас всё сказали сами феанаринги: «слава [Сильмариля] видна теперь многим» и «защищена от всякого зла» ("If it be truly the Silmaril which we saw cast into the sea that rises again by the power of the Valar, then let us be glad; for its glory is seen now by many, and is yet secure from all evil." (опубликованный «Сильмариллион», гл. 24)). Свет Камня падает в Среднеземье. Даже при таком удалённом применении он значительно влияет на происходящее: при всех недавних победах Моргота «эльфы более не отчаиваются». По-видимому, судьба этого Сильмариля складывается в русле желаемого: Камень свободен от Моргота и даже его угрозы и светит Среднеземью. Вероятно, чего-то подобного Первый Дом и пытался достичь.

Любопытно здесь, что, убедившись в благом для Сильмариля развитии событий, братья даже не вспоминают о Клятве. Это как нельзя лучше подтверждает 15-й мотив: Клятва обращается лишь против тех, кто использует или удерживает Камни вопреки воле феанориони. То есть она защищает не только и не столько их имущественные притязания, сколько их представления о наилучшей судьбе Камней; сами феанаринги предстают не столько ревнивыми хозяевами сокровища, сколько ревнивыми хранителями этой судьбы. Надо думать, в действиях иных обладателей Сильмариля (Тингола, Диора, Эльвинг) им что-то не нравилось...

Что заставляет задать вопрос: а как же Лутиэн?

Ясно, что братья желали вернуть Сильмариль – ведь как только он оказался у Диора и слухи об этом дошли до феанориони, гонцов в Дориат отправили незамедлительно. Однако они не выступали против хранения Камня самóй Лутиэн. Это не было «против их воли». Чем может быть вызвано такое отношение? Эльфы Белерианда, похоже, задавались этим вопросом, и их историческая традиция даёт ответ, пусть и неожиданный: «пока Лутиэн носила Ожерелье гномов, ни один эльф не осмеливался напасть на неё» (или «упрекнуть её» – перевести можно по-разному) (опубликованный «Сильмариллион», гл. 22). Отсюда следует, что важнее Клятвы оказалась сама персона Лутиэн, обстоятельства её личной истории (4).

Во-первых, само освобождение Сильмариля из Ангбанда. Лутиэн совершила великий подвиг, причём в наиболее важном для феанорингов направлении – спасении Камней от Моргота. Считается, что это деяние вдохновляло Майдроса: In those days Maedhros son of Fëanor lifted up his heart, perceiving that Morgoth was not unassailable; for the deeds of Beren and Lúthien were sung in many songs throughout Beleriand (опубликованный «Сильмариллион», гл. 20). Уважение к Лутиэн могло совершенно препятствовать одной мысли о вступлении в конфликт с ней.

Во-вторых, у этого уважения может быть дополнительная подоплёка. Если Сильмарилли являются живыми (и более того – разумными) существами, то они, надо думать, способны к осанвэ. Техническая возможность «осанвэ с кристаллом» реализована ещё в Палантирах, помогающих общаться мыслью даже смертным, которые сами по себе к телепатии не способны. Если в Ангбанде Камни могли быть укрыты морготовым аванирэ и оставаться недосягаемыми,

то в Белерианде и Оссирианде таких препятствий нет. Трудно утверждать с уверенностью, но феанориони могли оказаться отчасти сведущи в мыслях и переживаниях освобождённого Сильмариля. Известно, что Камни в морготовой короне откликнулись на песню Лутиэн: but the Silmarils in the crown on Morgoth's head blazed forth suddenly with a radiance of white flame (опубликованный «Сильмариллион», гл. 19); надо думать, возвращение на свет тоже стало для освобождённого Камня радостным событием, и Сильмариль вполне мог и в дальнейшем относиться к Лутиэн доброжелательно. Это могло быть значимо для феанорингов.

В-третьих, Келегорм (не путать с Куруфином!) наверняка оставался категорически против вражды с Лутиэн. О последующих войнах с эльфами или Валар за возвращение Сильмариллей известно, что они случались лишь после достижения братьями консенсуса, который здесь был невозможен.

В-четвёртых, даже если кто-нибудь среди феанорингов не питал к Лутиэн ни уважения, ни любви, ни благодарности за спасение Сильмариля, и не считал значение всех названных обстоятельств достаточным, чтоб перевесить клятву именем Эру, то всё равно для эльфа, вплотную работающего с самыми высокими материями Арды, имелась ещё одна причина считать, что на действие Клятвы в данном случае наложено вето высшей инстанции. Дело в судьбе Лутиэн и Берена: их воскресении и превращении Лутиэн в человека. Хотя поначалу о Берене и Лутиэн чего только не рассказывали, ко времени гибели Тингола правдивая информация должна была возобладать – по крайней мере, для феанорингов, смешавшихся с эльфами Оссирианда после Пятой Битвы.

Неясно, насколько в Первую Эпоху была разработана эльфийская метафизика человеческой смертности; но очевидно, что души людей уже считались не погибающими, а уходящими из Кругов Мира. Задерживать человеческую феа в Арде против её природы было бы превышением всех мыслимых границ полномочий и компетенции Валар. Тем более Лутиэн не могла бы получить от айнур Дар Единого Людям – человеческую смертность. Всё это свидетельствовало о вмешательстве Эру, именем которого и дана Клятва – и который властен отменить её. Раз так, то судьба Лутиэн становится явлением одного порядка с Клятвой Феанора: свойство, дающее Клятве приоритет над любыми другими соображениями, действует здесь чуть ли не с большей силой против её исполнения.

Теперь остаётся рассмотреть последний случай нарушения Клятвы: собственно Тингол, главный инициатор всей эпопеи с Сильмарилем. Случай Тингола предстаёт самым вопиющим из нарушений Клятвы: братья желали отнять у него Камень, что подтверждается их требованиями и угрозой войны: Therefore he [Thingol] sent back the messengers with scornful words. Maedhros made no answer… but Celegorm and Curufin vowed openly to slay Thingol and destroy his people, if they came victorious from war, and the jewel were not surrendered of free will (опубликованный «Сильмариллион», гл. 20). Однако в неблагоприятной обстановке не стали претворять свои угрозы в действие, то ли выжидая, то ли откладывая кампанию против Дориата – до тех самых пор, когда проблема исчезла за гибелью Тингола и переходом Сильмариля к Лутиэн.

Ясно, что война с Дориатом, укрытым Завесой, была бы долгим, трудным, грязным и затратным делом. Могла ли цена войны отпугнуть феанорингов? Нет: ранее их не остановила

> the Queen of the Stars, from Mount Everwhite has uplifted her hands like clouds, and all paths are drowned deep in shadow; and out of a grey country darkness lies on the foaming waves between us, and mist covers the jewels of Calacirya for ever. Now lost, lost to those from the East, is Valimar!) (*FR*, p. 394)

В древнеанглийской поэзии мотив *ubi sunt* не связан конкретно с образами валькирий, но его бесспорная связь с героической тематикой и его появление в речи женского персонажа – Галадриэли – обеспечивает сочетание мотивов личной утраты, героического мира и женской власти, непосредственно ассоциирующихся с валькириями в литературе.

(Продолжение следует)

Примечания

(1) Кэндис Фредерик и Сэм Мак-Брайд в своем недавнем исследовании пытаются найти в фактах биографии Толкина, а также Льюиса, Уильямса и других членов кружка Инклингов, логические обоснования и прототипы для того, что они понимают как идеализированные, стереотипные, даже в какой-то мере антифеминистические представления о женщинах в произведениях этих авторов.

(2) По поводу сходства Галадриэли с Девой Марией см. статью Майкла У. Мэйхера «Земля непорочная: средневековая мариология и ее использование в описании Галадриэли» *("A land without stain": medieval images of Mary and their use in the characterization of Galadriel*) в настоящем сборнике, а также статью Дебби Слай «Сплетая сети мрака» (*Weaving Nets of Gloom*) (Sly, 2000).

(3) Хотя в работах Толкина немало женских персонажей, возникших под влиянием средневековых германских литератур, «Властелин Колец» предоставляет особенно богатый материал для такого исследования и является наиболее показательным примером этой тенденции в толкиновском творчестве. По этой причине, а также из-за ограниченного объема данной главы, настоящая работа касается только анализа женских персонажей толкиновской трилогии.

(4) См., напр., рассуждение Толкина об источниках в его эссе «О волшебных сказках», в сборниках *Tree and Leaf* или *The Tolkien Reader*, с. 45–57.

(5) Хотя никто не рассматривал подробно особенности связей женских персонажей Толкина с германскими средневековыми источниками, в некоторых работах вкратце упоминается о связи таких героинь, как Галадриэль, Шелоб и Эовин, с древнеанглийскими и древнеисландскими текстами. См., напр., статью Линн Брайс «Влияние скандинавской мифологии на творчество Дж.Р.Р. Толкина» (*The Influence of Scandinavian Mythology on the Works of J.R.R. Tolkien*) (с. 113–119), а также «Дорогу в Средиземье» Т.А. Шиппи.

(6) Хотя во «Властелине Колец» есть и другие примечательные женские персонажи, ограниченный объем работы вынуждает нас обсуждать только наиболее важные для развития

ужасной и вызывающей преклонение» (beautiful beyond enduring, terrible and worshipful) (*FR*, p. 381). Как Сигрун, Брюнхильд и другие валькирии, которые предпочитают помогать герою, а не сражаться с ним, Галадриэль напрягает силу воли, чтобы отказаться от выбора, который сделает ее орудием насилия и разрушения.

Выбор Галадриэли принести подобный раю Лориэн в жертву ради спасения мира также связывает ее с воинственными девами Одина, а также с темой печали валькирии, происходящей от тяжелой личной утраты. Как описывает Дэмико интерпретацию данной темы в древнескандинавском варианте, образ средневековой валькирии «тронут печалью, которая является канонической, так как становится постоянным атрибутом женских образов эддической и англосаксонской героической поэзии» (Damico, 1984, p. 20). Для германских валькирий, таких как Брюнхильд и Сигрун, печаль становится следствием личного выбора, сделанного самой валькирией и ведущего к потере бессмертия, измене возлюбленного или смерти любимого героя. Подобным же образом отказ Галадриэли от Единого Кольца окончательно решает судьбу Лориэна, уже обреченного на скорое исчезновение из этого мира. Она признает, что после уничтожения Единого Кольца ее «сила уменьшится, и Лотлориен увянет, и прибой Времени смоет его. Мы должны отплыть на Запад – или умалиться до простых жителей долин и пещер, и постепенно забывать и забываться» (power is diminished, and Lothlórien will fade, and the tides of Time will sweep it away. We must depart into the West, or dwindle to a rustic folk of dell and cave, slowly to forget and to be forgotten) (*FR*, p. 380). Это вечная утрата, которую нельзя предотвратить или избежать, и которую сам Толкин назвал «настоящей темой» «Властелина Колец» (21). В своем исследовании темы вечной утраты Лен Сэнфорд определяет влияние этой темы на германскую литературу и мифологию, когда пишет: «Северная мифология имеет более мрачную точку зрения: битва между человеком и чудовищем должна окончиться поражением первого, но человек продолжает сражаться; его оружие –… обнаженная воля и храбрость» (Sanford, 1995, p. 17). Более глубокое выражение этой темы вечной утраты (22) находит свое отражение в песне Галадриэли об увядании Лориэна. Перекликаясь с мотивами ubi sunt («где ныне…»), широко распространенными в древнеанглийской элегической поэзии, Галадриэль сетует:

> Ах! Как золото, падают листья на ветру – долгие годы, бессчетные, как крылья деревьев! Годы прошли, как быстрые глотки сладкого меда в высоких чертогах на дальнем Западе, под синими сводами Варды, где звезды трепещут от звуков ее голоса, священного и царственного. Кто ныне наполнит для меня чашу? Ибо Возжигательница Варда, Королева Звезд, с Вечнобелой горы воздела руки, подобные облакам, и все тропы утонули в глубокой тени; и из серой страны ложится тьма на пенящиеся волны между нами, и мгла покрывает самоцветы Калакирьи навечно. Ныне потерян, потерян Валимар для тех, что на Востоке!
> (Ah! like gold fall the leaves in the wind, long years numberless as the wings of trees! The years have passed like swift draughts of the sweet mead in lofty halls beyond the West, beneath the blue vaults of Varda wherein the stars tremble in the song of her voice, holy and queenly. Who now shall refill the cup for me? For now the Kindler, Varda,

даже мощь Ангбанда. И они уже рассматривали перспективу войны с Дориатом в случае попадания туда Сильмариля, и публично провозглашали готовность к этой войне и решимость платить всем, даже собственными жизнями («сожгут Дориат или погибнут, пытаясь»). Могли ли они счесть, что возвращение Камня не стоит таких усилий? Нет, если однажды ради получения Камня они пошли аж на нарушение Клятвы. Пожалуй, единственной практической ценностью, которую можно измерить здесь на весах Клятвы, остаётся возможность спасения других Камней. Продолжительная изматывающая война колоссально ослабила бы и феанорингов, и Дориат; она означала катастрофическое падение шансов на извлечение других двух Сильмариллей из Железной Короны и притом не сулила твёрдого успеха и в отношении Камня, находящегося у Тингола. Необходимость спасти два Камня из рук Моргота заставляла отложить войну с Тинголом как минимум до тех пор, пока не будет побежден Моргот. Но такое рассуждение базируется на понимании Клятвы как задачи по возвращению Камней, а не «мести ради мести».

Во всей совокупности, как видим, примеры отношения феанориони к Лутиэн, Эарендилю, Маблунгу, эльфам, передавшим Сильмариль Диору, и к Тинголу показывают гибкое, свободное отношение феанориони к букве и даже духу Клятвы. Впрочем, приоритетом остаётся исполнение; а вольность трактовки нужна не для того, чтобы извернуться и нарушить Клятву, а для того, чтобы правильно исполнить её. Общезначимой причины для уклонения от Клятвы найти не удалось, все примеры фактического уклонения объясняются по-разному: в случае Эарендиля феанорингов устраивают судьба, текущее местоположение и использование Камня, в случае Лутиэн действует экстраординарный мораторий на исполнение Клятвы, в случае Маблунга и гонцов не возникает желания мелочиться. Закономерной практикой являются всё же попытки её соблюдения.

Это подтверждает практический характер Клятвы: если бы она была оторванной от жизненных целей догмой, её можно было бы только отвергать вовсе или соблюдать ригористично, но не приспосабливать к текущим обстоятельствам и нуждам. Поэтому «подробные и точные» формулировки не валидны, как мы и предполагали: попытки «юридического» вгрызания в текст и историю Клятвы лишь отвлекают от действительного отношения феанорингов к ней.

Воздержание от действий, противоречащих Клятве

Внешне два события, отнесённые нами к этой группе – отказ принять условия освобождения Майдроса и отказ поддержать поход Берена и Финрода – сходны, но при детальном рассмотрении в них выявляются коренные различия.

Переговоры об освобождении Майдроса завершаются отказом от нарушения Клятвы. Феанорингам приходится дорого платить за Клятву. Тем не менее, несмотря на отказ принять условия и последующее отсутствие каких-либо попыток спасти Майдроса, аналогичных действиям Фингона, нет оснований утверждать, будто феаноринги не намеревались выручить брата. В конце концов, им ещё предстояло спасать от Моргота три Сильмарилля; в случае успеха – спасут, получается, ещё и одного феанориона. Известно, что феаноринги не прибегали к методам обмана, десанта и кражи (единственное исключение – финал, когда Майдрос и Маглор похитили Сильмариллы, действуя вдвоём). Если они не пытались выкрасть Сильмарилли у Моргота, –

намереваясь, очевидно, вернуть их в открытой битве, – ничто не мешает им готовиться таким же образом вернуть и брата.

Нарготрондский эпизод выглядит как отказ от действий, нарушающих Клятву. Тем не менее, из реконструированного содержания Клятвы мы видим, что намеренье получить Сильмариль не входит в число деяний, инициирующих Клятву. Таким образом, поддержка Берена, пока только намеревающегося добыть Сильмариль, но не владеющего им, сама по себе не являлась бы нарушением Клятвы. Зачем тогда весь сыр-бор? Затем, что успех похода означает войну среди эльфов; короли и князья нолдор понимают это. Таким образом, нарготрондский эпизод является не отказом нарушить Клятву, а попыткой предотвратить её обращение против эльфов – не допустить междоусобных войн.

О нарготрондских событиях, последовавших за приходом Берена, сообщается следующее:

- первым о требовании Берена слышит Финрод в приватной беседе, и сразу осознаёт отдалённые последствия удачного завершения похода – начало междоусобных войн между эльфами: The everlasting fire of those enchanted jewels all know is cursed with an oath of endless woe («Лэ о Лейтиан»). Он сразу предупреждает Берена – вернее, делает строгое внушение – о том, какие ужасы постигнут эльфийские королевства, если тот принесёт кому-либо из эльфов Сильмариль. Однако Берен игнорирует предупреждения. Финроду, связанному обетом, ничего не остаётся, кроме как огласить своё согласие помочь Берену;
- сыновья Феанора, как и Финрод, с ходу понимают последствия успеха Берена, и Келегорм пытается убедить Финрода отказаться от всей затеи: “Know this: thy going is vain; for could ye achieve this quest it would avail nothing. Neither thee nor this Man should we suffer to keep or to give a Silmaril of Feanor. Against thee would come all the brethren to slay thee rather («Серые Анналы»). Как известно, он также напомнил собранию о Клятве и произнёс вслед за этим некую речь, «столь же убедительную, как и слова Феанора в Тирионе, в давнюю пору подвигшие нолдор на восстание» (опубликованный «Сильмариллион», гл. 19). Увы, эта пламенная речь совершенно не описана в «Сильмариллионе» – даже о словах Куруфина сказано больше. Зато её содержание раскрыто в «Лейтиан»! Оказывается, Келегорм говорил об опасности начинания Берена, предрекая «войну друзей с друзьями» или «вероятную битву, разрушения и бедствия в Дориате», если Тингол получит Камень (or haply battle, ruin, and woe in Doriath where great Thingol reigned, if Feanor’s fatal jewel he gained). Феанаринги фактически повторяют предостережения Финрода, только более развёрнуто и красочно, со всей силой унаследованного от отца красноречия. Но и это предостережение не возымеет действия;
- эльфам представляется немыслимым нарушение слова. Поэтому Финрод констатирует свою дружбу с сыновьями Феанора, однако вынужден признать, что при успехе Берена им ничего не останется, кроме как начать войну. Естественно, ему не приходит в голову потребовать от них отступиться от Клятвы, так как и сам он не

Способность Галадриэли оценить и испытать мотивы членов Братства – еще одна черта, соединяющая ее с древнескандинавскими провидицами, норнами или дисами. Обычно фигуры этих прорицательниц не соотносятся с образами валькирий, но Брюнхильд предсказывает будущие события (*Sigsk*, строки 52–63), а Скульд считается и валькирией, и норной (*PrE*, строки 44 и 61). Способность восприятия Галадриэлью внутренних помыслов героев выражена в словах Гимли, что она читает «многие сердца и желания» (many hearts and desires) (*RK*, p. 49), и в описании Сэмом проницательного взгляда Галадриэли во время их первой встречи, что она как будто «заглядывает внутрь него» (looking inside me) (*FR*, p. 373). Вдобавок, Галадриэль имеет пророческий дар, который позволяет ей «понимать Темного Властелина и знать его мысли» (perceive the Dark Lord and know his mind) (*FR*, p. 380), скрывая от него собственную силу. Как и у валькирии Скульд, у Галадриэли пророческие способности включают особое родство со священной стихией воды. Ее провидение частично возникает от взаимодействия с волшебной водой из водоема – ее Зеркала, в которое Фродо и Сэму дозволено заглянуть, чтобы узнать будущее. Власть Галадриэли над Зеркалом представляется в чем-то ограниченным (20), но толкиновское описание действий и слов Галадриэли, касающихся Зеркала, показывает, что оно работает только во взаимодействии с ней. Ритуал пробуждения Галадриэлью пророческой силы Зеркала описан так:

> Галадриэль наполнила сосуд до краев водой из источника и дохнула на нее, а когда вода снова успокоилась – заговорила: «Вот Зеркало Галадриэли, – сказала она. – Я привела вас сюда, чтобы вы могли посмотреть в него, если вам хочется» (With water from the stream Galadriel filled the basin to the brim, and breathed on it, and when the water was still again she spoke. “Here is the Mirror of Galadriel,” she said. “I have brought you here so that you may look in it, if you will.”)
>
> (*FR*, p. 377)

Когда герои-хоббиты смотрят в воду, им представляются апокалиптические видения будущего, напоминающие древнескандинавский Рагнарёк, который предрекает валькирия-норна Скульд, глядя в свой волшебный водоем. Хотя эти предсказания из Зеркала Галадриэли одновременно беспокоят души Фродо и Сэма и предупреждают их о возможной опасности, эти видения также помогают им более полно осознать и принять весь риск их квеста.

Как и валькирии, заступающиеся перед Одином за выдающихся героев ради блага мира, Галадриэль управляет своей личной и пророческой силой в битве вселенского значения. В случае Галадриэли отказ от Единого Кольца (*FR*, p. 380–381) напоминает нам о валькириях тем, что является действием, совершенным в результате огромного напряжения воли. И эльфийская природа, и пророческий дар заставляют Галадриэль остро ощущать ответственность за собственный духовный облик. Отказываясь от Единого Кольца, предложенного Фродо, Галадриэль демонстрирует осознание не только своей природы и своего народа, но и судьбы вселенной, где добро и зло борются за власть. Пророческое дарование Галадриэли позволяет ей предвидеть, что принятие Единого Кольца обернется ее саморазрушением, гибелью ее народа и всего Средиземья, потому что, приняв Кольцо, она станет орудием зла, «нестерпимо прекрасной,

Один посылает валькирий – особый напиток, так как оно должно быть “sem vísir come” (как для встречи принца) (строка 1).

Сразу после церемонии поднесения чаши Галадриэль выполняет следующее ритуальное действие, весьма напоминающее придворные функции героинь, подобных валькириям: дарит подарки каждому члену Братства. Как дары средневековых валькирий усиливают чувство долга героя по отношению и к женщине, и к своему героическому предназначению, так же и дары Галадриэли предназначены помочь каждому персонажу в исполнении его личной задачи (квеста) и укрепить его верность Владычице и ее миру чести, красоты и спокойствия. Три золотых волоска из кос Галадриэли для Гимли, коробочка с плодородной землей из Лориэна для Сэма, древняя брошь Эльфийский Камень, переданная Арагорну его возлюбленной – все это обращено к заветнейшим желаниям в сердцах героев и служит для вдохновения их на будущие свершения, и в то же время служит напоминаем об узах, связавших персонажей с Галадриэлью и Лориэном и ассоциируемых с мифологическим прошлым, которое олицетворяет эльфийская королева, подобно валькириям. Выполняя названные церемониальные функции в этой части повествования, Галадриэль действует, как сила, которая объединяет конфликтующие мотивы и желания внутри Братства. И хотя позже члены Братства Кольца разлучатся, их сильнейший внутренний опыт общения с Галадриэлью и Лотлориэном, объединивший их во время церемонии подношения кубка и дарения, устанавливает между ними общность, которая продолжит соединять их на пути к общей великой цели на протяжении трилогии.

Важным дополнением к функции дарения Галадриэли является изготовление ею особой одежды для толкиновских персонажей. Серые эльфийские плащи, подаренные Братству во время прощания с Лориэном, являются лучшим свидетельством того, что герои «воистину пользуются милостью Госпожи! Ибо сама она со своими служанками соткала эту ткань; и никогда доселе не одевали мы чужеземцев в одежды нашего народа» (indeed high in the favour of the Lady! For she herself and her maidens wove this stuff; and never before have we clad strangers in the garb of our own people) (*FR*, p. 386), как поясняет один из эльфов. То, что Галадриэль сама изготовляет эти плащи, способные укрыть героев от вражеского взора, подчеркивает ее связь с образами германских валькирий не только через дарение волшебных подарков, но и через мотив ткачества. В средневековой литературе валькирии и подобные им героини часто готовят особые одеяния для героев, чтобы помочь им, вдохновить или подстрекнуть на подвиг. Ассоциирование валькирий с шитьем, вышиванием или ткачеством, возможно, является литературным реликтом более древней традиции, в которой эти персонажи были связаны с другими древнескандинавскими мифологическими героинями, так называемыми дисами или норнами, которые ткали полотно человеческих судеб. Примеры демонстрации умения ткать или шить, связанные с образами валькирий, включают «Песнь о Вёлунде», в которой валькирии “línn spunno” (прядут лён) (*Völ*, строка 1), Сигню, которая жестоко испытывает мужество сыновей, пришивая их рубашки к телу (*VS*, строка 122), и Брюнхильд, которая “kunni meira hagleik en aðrar konur. Hún lagði sinn borða með gulli ok saumaði á þau stórmerki, er Sigurðr hafði gert” [была в ручной работе искуснее всех женщин. Она украшала свои гобелены золотом и вышивала на них великие деяния, которые свершил Сигурд] (*VS*, строка 166).

собирается отступаться от своего обета Барахиру. Келегорм и Куруфин со своей стороны почти не пытаются остановить его – видимо, по той же причине. Засим поход становится неизбежен, и остаётся единственный шанс избежать междоусобных войн: провал похода;

- после ухода Финрода с Береном феаноринги впервые обращаются к той стратегии, которая в будущем позволит некоторое время оттягивать войну против Эльвинг: они стараются ничего не знать о судьбе Финрода и Берена. Они избегают всех контактов с Финродом, так, чтоб не помогать, но и не мешать ему, и его выживание зависело бы только от него самого. Видимо, надеются, что за время финродовых и береновых злоключений случится что-то непредвиденное, способное изменить ход событий к лучшему. Они и сами прилагают ненулевые усилия к тому, чтоб исключить нежелательное развитие ситуации – например, стремятся заранее вступить в союз с Дориатом (что облегчило бы дальнейшие переговоры о Камне).

Особого внимания заслуживает двойственный подход феанорингов к своему обету в сложившейся ситуации: с одной стороны, они осознаóт, что должны будут отобрать Сильмариль у Тингола, если тот вдруг попадёт в Дориат, с другой – не желают такого развития событий и пытаются загодя исключить войны между врагами Моргота. В свете содержания Клятвы (мотивы 2 и 4), ничего неожиданного: во вражде нет исключения для союзников и друзей; но это само по себе не делает дружбу небывшей. Феаноринги готовы сражаться за освобождение Камней не только из Железного Венца, но и из эльфийской сокровищницы – однако не желают этого.

Феаноринги и Финрод – единственные, кто с самого начала осознал точные последствия такого возвращения Камня, то самое противоречие, на котором Толкин заострил внимание в сжатом пересказе сюжета [HoF-30]. Однако Финрод ничего не мог поделать, будучи связан словом. Феаноринги же, после отказа Берена прекратить поиск, могли лишь остановить его силой, но, видимо, к тому моменту они ещё не были готовы применять такие меры.

В таком свете нарготрондский эпизод представляется уникальным: попытка предотвратить возникновение обстоятельств, инициирующих Клятву.

Войны с Эльфами и Гномами за Сильмариль

Здесь возникает больной вопрос: если феанорингам достаточно просто провозгласить свое согласие на то, чтоб некто владел Сильмарилом, чтоб тем самым вывести его из-под Клятвы и предотвратить войну, то зачем было лить кровь?

Мы не попытаемся оправдать нападения на эльфов: война есть война, это всегда зло. Однако любые военные действия подразделяются на оправданные и неоправданные. Иррациональны ли нападения на Дориат и Арверниэн?

Обратим внимание: оба нападения происходили тогда, когда Сильмариль «подвисал» в закрытом «местечковом» королевстве. Нападения феанорингов заставляли Камень двигаться и, в конечном счёте, привели к подвигу Эарендиля, Войне Гнева, победе над Морготом и изгнанию его за пределы мира.

Теперь попробуем представить, что было бы, не трогай феаноринги ни Дориат, ни Ар-

верниэн. В какой-то момент у кордонов Диора оказались бы чёрные ангбандские полчища. Они бы разгромили Дориат подчистую, бóльшую часть населения перебили, выживших угнали бы в рабство, а Сильмариль водрузили обратно в Железную Корону (5). Эарендиль потонул бы на подходах к Валинору стараниями Оссэ, «слуги Приговора»; Валар ещё сотни, а может и тысячи лет оставались бы глухи к терзаниям остального мира; за это время Моргот уничтожил бы не только Белерианд, но и Средиземье, и Люди стали бы всецело его рабами.

Выводы оставляем на усмотрение читателя.

ПРИМЕЧАНИЯ

(1) Из семерых только двое – Келегорм и Куруфин – подтвердили, что теперь считают дориатского короля врагом, как и угрожало первоначальное послание (опубликованный «Сильмариллион», гл. 20: For Maedhros and his brothers, being constrained by their oath, had before sent to Thingol and reminded him with haughty words of their claim, summoning him to yield the Silmaril, or become their enemy).

(2) Читатель может возразить, что войны с Дориатом в то время не случилось благодаря Завесе Мелиан, делавшей любые попытки нападения бессмысленными. Однако такое утверждение не бесспорно. Из статьи Кеменкири «*Глава “О падении Дориата” – три стратегии редактирования*» известно, что в собственных (поздних) версиях сюжета о разорении Менегрота гномами Дж. Р. Р. Толкин не допускал прямого штурма Завесы, но так и не придумал «хитрости», что позволила бы гномам убить Тингола как-то иначе (сюжет опубликованного «Сильмариллиона» в этой части создан Кристофером, а его отец мыслил в направлении «выманить Тингола из Дориата»). Тем не менее, Дориат вряд ли был неприступен: по экспертному мнению Финрода, Тингол не может надеяться удержать Сильмариль, буде Камень к нему попадёт:

> This Felagund in wonder heard,
> and heavily spake at last this word:
> “It seems that Thingol doth desire
> thy death. The everlasting fire
> of those enchanted jewels all know
> is cursed with an oath of endless woe,
> and Feanor’s sons alone by right
> are lords and masters of their light.
> He cannot hope within his hoard
> to keep this gem, nor is he lord
> of all the folk of Elfinesse.” (HoME-III, *«Лэ о Лейтиан»*).

эпическим героям, благодаря мотиву свечения.

Хотя в основном тексте «Властелина Колец» мы не видим, чтобы Галадриэль владела боевыми искусствами или проявляла физические силу и удаль, что характерно для средневековых валькирий (16), тем не менее, она изображена подобной валькириям через церемонию подношения чаши во время событий, важных для повествования. Такие события обычно включают или приветствие героев, как в случае, когда валькирии приветствуют павших воинов на пороге Вальхаллы, или прощание, как при расставании Сигрун и Хельги (*HH* II, 46–47). Джейн Ченс так описывает деятельность подобных валькириям женщин в пиршественных залах: «Ритуал поднесения чаши и сама подносящая символизируют собой миротворчество и сам мир, потому что они скрепляют общественные и семейные узы между повелителем и подданными» (Chance, 1991, p. 254). Как древнеанглийская Вальхтеов и героини эддических песен (17), которые участвуют в официальных церемониях при дворе, включающих совместное питье из чаши в знак верности и преданности героев государю, Галадриэль исполняет эту функцию валькирии при расставании Братства Кольца с Лотлориэном. Толкин так описывает этот эпизод:

> Галадриэль поднялась с травы и, взяв у одной из служанок чашу, наполнила ее белым медом и протянула Келеборну.
> – Ныне время пить чашу прощания, – молвила она. – Пей, Повелитель народа Галадрим!
> Затем она поднесла чашу каждому из членов Братства, предлагая им выпить на прощание.
> (Now Galadriel rose from the grass, and taking a cup from one of her maidens she filled it with white mead and gave it to Celeborn.
> “Now it is time to drink the cup of farewell,” she said. “Drink Lord of the Galadrim! …”
> Then she brought the cup to each of the Company, and bade them drink and farewell.)
>
> (*FR*, p. 390).

Последовательность, в которой Галадриэль подносит церемониальную «чашу расставания» (*FR*, p. 390), наполненную особым напитком, – сначала королю, затем героям – имеет параллели с аналогичным действием, которое производят валькирии и подобные им героини в средневековых германских текстах. В «Беовульфе», например, Вальхтеов, желая ознаменовать заключение союза верности между своими сыновьями и Беовульфом, сначала подносит церемониальную чашу своему господину и мужу Хродгару, затем Беовульфу, а затем – всем остальным героям (Klaeber, строки 1162–233). Как и специально отмеченный «белый мед» у Толкина, “wīn” (вино), подаваемое Вальхтеов, также имеет особое ритуальное значение. В «Беовульфе» вместо обычных названий хмельных напитков, пива и меда, специально используется термин “wīn”, если нужно подчеркнуть, что это церемониальный напиток, который подает сама королева (18). Подобным образом и “vīn” (вино) в «Речах Эйрика» (19), за которым

доказательством связи Галадриэли с образами средневековых валькирий. Когда Фродо впервые видит кольцо Галадриэли, «оно сверкало, как отполированное золото в серебристом свечении, а белый камень в нем блистал так, словно это сама Вечерняя Звезда сошла с неба отдохнуть» (it glittered like polished gold overlaid with silver light, and a white stone in it twinkled as if the Even-star had come down to rest) (*FR*, p. 380). Хотя магическая сила Неньи отличает его от тех золотых колец, служащих просто украшениями или эквивалентом денег, которые часто носят валькирии в древнегерманской литературе, но то, что часть сияния, излучаемого Галадриэлью, исходит от ее кольца, придает ей сходство с другими валькириями и похожими на валькирий героинями, носящими кольца – например, с Юдифью “þēahhrodene” (украшенной кольцами) (*Judith*, строка 138), и Сигрун, которая названа “þaugvariđ” (носящей кольцо) (*HH*II, строка 35) и “gullvariđ” (носящей золото) (*HH*II, строка 45). Действия средневековых валькирий обычно мотивированы их сильной женской волей, а Ненья в ключевые моменты повествования отвечает на волевые порывы своей обладательницы, усиливая ее природное сияние. Иллюстрируя это свойство, Толкин изображает сцену принятия Галадриэлью решения о Едином Кольце, когда Ненья «испустила яркую вспышку света, озарившую только Галадриэль, оставляя в темноте все вокруг» (issued a great light that illumined her alone and left all else dark) (*FR*, p. 381).

Фиал света, полученный Фродо как прощальный дар, подчеркивает важность мотива света, характерного для валькирий, в описании Толкином Галадриэли. Как и Галадриэль, средневековые валькирии иногда дарят героям особые волшебные дары, наделенные блеском и сиянием. Например, валькирия Свава преподносит Хельги особый сверкающий меч, описанный как “varić gulli. / Hringr er í hialti” [украшенный золотом, с кольцом в рукояти] (*HHv*, строки 8–9). В «Беовульфе» другая подобная валькирии героиня дарит герою “wunden gold / ēstum geēawed, earm[h]rēade twā, / hrægl ond hringas, healsbēaga mæst” [золотые вещи в знак благосклонности, два браслета, кольчугу и кольца и огромную шейную гривну] (Klaeber, строки 1193–1195). Как и эти сверкающие дары валькирий, фиал Галадриэли

> glittered as she moved it, and rays of white light sprang from her hand. “In this phial,” she said, “is caught the light of Eärendil’s star …. It will shine still brighter when night is about you. May it be a light to you in dark places, when all other lights go out.” (сверкнул, когда она пошевелила его, а затем из руки ее вырвались лучи яркого белого света. «В этом фиале, – сказала она, – заключен свет звезды Эарендила… Он будет сиять еще ярче, когда над вами нависнет ночной мрак. Пусть он светит вам во тьме, когда погаснут все другие светочи»)
>
> (FR, 393)

Фиал, служащий только для этой цели, не только обеспечивает Фродо и Сэма светом, но и придает им твердость духа Галадриэли, необходимую в борьбе против злобы паучихи Шелоб и кромешной тьмы Кирит Унгол. Хотя дар Галадриэли – фиал с заключенным в нем звездным светом – не имеет аналогий в средневековых германских текстах, включение Толкином в ход повествования названного артефакта напоминает о дарах, преподнесенных средневековым

Сложно предполагать, чем вызвано такое его суждение; мы вправе выдвигать гипотезы, но Финрод исходит из знаний и опыта, а мы обладаем лишь крохами сведений из легенд. Так, из истории Турина мы знаем, что воины Белега не оставались без дела, но сражались с орками на северных границах. Известно, что после угроз Келегорма и Куруфина (Celegorm and Curufin vowed openly to slay Thingol and destroy his people, if they came victorious from war) Тингол «укрепил рубежи Дориата» (Then Thingol fortified the marches of his realm, and went not to war, nor any out of Doriath…) – почему-то не полагаясь на одну только Завесу: возможно, для войск Завеса была более преодолима, чем для одиночек. Её пересекают течения Эсгалдуина и Сириона – и если слуги Моргота опасались силы Улмо, то эльфы способны сплавляться по рекам (хотя власть Эльронда над водами Бруинен заставляет предположить, что и здесь для нападающих есть свои трудности). Наконец, Келегорм предупреждает Финрода: если Тингол получит Сильмариль, то братья «сожгут Дориат или погибнут, пытаясь» (But Celegorn said: “Know this: thy going is vain; for could ye achieve this quest it would avail nothing. Neither thee nor this Man should we suffer to keep or to give a Silmaril of Feanor. Against thee would come all the brethren to slay thee rather. And should Thingol gain it, then we would burn Doriath or die in the attempt. For we have sworn our Oath” (HoME-XI, *«Серые Анналы»*)): и в самом деле, в сухую погоду при подходящем ветре лес можно поджечь обстрелом. Для отчаянного противника никто не отменял также вариантов торговой блокады (перекрытия гномьей дороги) и захвата заложников. Подобная тактика, разумеется, требует долгой, изматывающей войны, и будет означать большие траты и разрушения; возможно, поэтому феаноринги так и не решились всерьёз заняться Тинголом. Однако предания Древних Дней не упоминают ни об одной попытке устроить, скажем, лесной пожар: т.е. нет даже демонстрации силы. Следовательно, братья *сами, сознательно воздержались* от военных действий.

(3) Настолько, что порой во вторичном творчестве их пытаются «отобрать» у эльфов Первого Дома и приписать другим героям, традиционно – в массовом представлении – положительным. Это случилось с Союзом Майдроса в романе О. Чигиринской «По ту сторону рассвета»; инициативу войны с Морготом тоже порой пытаются хотя бы отчасти приписать нолдор других домов, уверяя, будто сторонники Феанора шли в Среднеземье за Сильмариллями, тогда как надо было – за местью (на самом же деле тирионцы не предпринимали ничего для мести за короля Финвэ до речей Феанора).

(4) Разумеется, это «не осмеливались» связано с моральной неготовностью атаковать Лутиэн, а не страхом перед военной мощью Тол Гален – та была невелика, а позже феаноринги не испугались даже валинорской армии.

(5) Возможно, пребывание Сильмариля у наследников Тингола не устраивало сыновей Феанора именно по причине предвиденья такого развития событий.

Табл. 1. **Содержание Клятвы. Тезисы, их достоверность, практика исполнения.**

Статус	№	Тезис Клятвы	№	Подтверждение практикой?
Точно звучало в Клятве	1	Клятва инициируется, если некто посторонний станет удерживать Сильмарилли.		**Pro**: Войны с Морготом, Диором, Эльвинг, Эонвэ. Угроза войны с Тинголом.
	2	Против тех, кто так поступит, Клятва требует непрекращающейся вражды.		**Pro**: Отказ прекратить войну с Морготом. **Contra**: переговоры о возвращении одного Камня из трёх.
	3	Ни для кого нет исключения.		**Contra**: Лутиэн и Берен. Эарендиль.
Почти наверняка звучало в Клятве	7	Акцент на вечнодействие Клятвы.		**Pro**: Диалог Майдроса и Маглора.
	9, 10	Упоминание Эру и Вечнодлящейся Тьмы.		**Pro**: Диалог Майдроса и Маглора. О «Вечнодлящейся Тьме» в преданиях говорится лишь в связи с Клятвой.
	8	Призыв Манвэ и Варды в свидетели.		**Pro**: Диалог Майдроса и Маглора.
Могло звучать в Клятве (а могло и не звучать)	4, 5	«Видовые» списки возможных узурпаторов, «оппозиции качеств» («враг или друг», «любое создание, великое или малое, доброе или злое...»).		**Pro**: Феанорингн воюют за Камни с Морготом, эльфами, людьми, по отдельным текстам – двергами («Повесть Лет» из XI тома) , а также с Валар (в лице Эонвэ, майа Манвэ). Келегорм сулит вражду братьев Финроду, если тот добудет и не отдаст им Камень («Серые Анналы»).
	6	Уточнение о повсеместном действии Клятвы в пределах Арды.		**Pro**: Войны в Энноре. Диалог Майдроса и Маглора: Клятва может потребовать начать войну в Амане. **Contra**: отсутствие вражды против Эарендиля в небе
	15	Чтобы навлечь вражду, узурпатор должен не просто удерживать Сильмарилли, но «удерживать помимо их [феанорингов] воли».		**Pro**: Лутиэн и Берен хранили Камень невозбранно. Гиль-Эстель в небе была одобрительно воспринята Майдросом и Маглором.
Скорее всего – не звучало в Клятве	11	Перечисление возможных действий узурпатора с Сильмариллями: спрятать, хранить, украсть, взять, коснуться, найти или выбросить.		**Contra**: ни Маблунг, ни эльфы, доставившие Сильмариль Диору, не навлекают вражды. Феанорингн заняты лишь теми, у кого фактически находятся Камни. Отняв их у Эонвэ, феанориони сворачивают операцию.
	16	Перечисление препятствий, что не спасут от мести феанорингов.		—
	12	Явное указание, что цель Клятвы – это возвращение Сильмариллей, а не вражда ради вражды.		**Pro**: Феанориони обещают Диору, Эльвинг и Эонвэ прекращение вражды при возвращении Камней.
Наверняка не было в Клятве	13	Указание на особый характер вражды – «яростной», с «гневом», «ненавистью» или «местью».		—
Точно не было в Клятве	14	Обет убить врага непременно.		**Contra**: Предложения эльфам и Эонвэ о мирном возвращении Камня.
	17	Восхваление Сильмариллей.		—

героини, включая в изображение эльфийской королевы ее сверкающие глаза и упоминание о золоте. Впервые представляя читателям Галадриэль и ее мужа Келеборна, Толкин пишет, что их глаза были «сверкающе-пронзительными, как свет звезд на остриях копий» (were keen as lances in the starlight) (*FR*, p. 369). Такое описание глаз героини как одной из ее светоносных черт отсылает к таким же ярким глазам многих валькирий. К примеру, в скальдической поэме «Воронова песнь» (Hrafnsmál) присутствует валькирия с "gloegghvarmr" (светящимися глазами) (14). «Насыщенный золотой» (deep gold) (*FR*, p. 369) цвет волос Галадриэли снова подтверждает связь героини с возвышенной персонификацией света, а также сходство ее внешности с физическими особенностями валькирий. Вызывая в памяти образы древнескандинавских валькирий, волосы которых описываются как светлые или золотые, Гимли красноречиво описывает золотое сияние волос Галадриэли, когда просит у нее прядь, «превосходящую золото земли, как звезды превосходят самоцветы в копях» (surpasses the gold of the earth as the stars surpass the gems of the mine) (*FR*, p. 392). Наглядный пример связи блеска со светлым цветом волос – валькирия из «Вороновой песни», у которой не только сверкающие глаза, но и "hvíta hadd bjarta" (яркие светлые волосы). Эти дополнительные визуальные мотивы лучистых глаз и золотых волос служат для того, чтобы подчеркнуть сияние – неотъемлемый признак Галадриэли, отражающий ее физическую и нравственную красоту.

Еще одно соответствие образа Галадриэли описаниям валькирий в «Эдде» – это то, что сияние является естественной частью ее сущности. Когда Братство покидает Лотлориэн, белая фигура Галадриэли «сияет, как оконное стекло на дальнем холме в лучах садящегося солнца, или как озеро далеко внизу при взгляде с вершины – словно горный хрусталь, упавший земле на колени» (shone like a window of glass upon a far hill in the westering sun, or as a remote lake seen from a mountain: a crystal fallen in the lap of the land) (*FR*, p. 393). В конце «Властелина Колец» лучезарность Владычицы характеризуется фразой: «она сама, казалось, светилась мягким светом» (she herself seemed to shine with a soft light) (*RK*, p. 308). Как и валькирия в «Песни о Хельги», которая является "biartlituð" (блистающей видом), описанная подобным образом Галадриэль становится воплощением древнеанглийского слова "ælfscīnu" (сияющая подобно эльфу) (*Judith*, строка 14), которое появляется как эпитет героини Юдифи (15). Природная яркость этого эльфийского сияния, исходящего из самого существа королевы эльфов, позднее подчеркивается в туннелях Кирит Унгол, когда Фродо видит «внутри себя свет, сначала почти невыносимо яркий, словно луч солнца для глаз того, кто долго пребывал в подземелье без окон… он увидел Владычицу Галадриэль» (a light in his mind, almost unbearably bright at first, as a sun-ray to the eyes of one long hidden in a windowless pit … he saw the Lady Galadriel) (*TT*, p. 329). В этом описании Галадриэли мотив солнца создает дополнительную связь с образами валькирий, блеск которых часто уподоблялся свету солнца. Можно привести два таких примера: Юлиана в древнеанглийской поэме характеризуется эпитетом "sunscīene" (сияющая, как солнце), (*Juliana*, строка 229), а древнескандинавская Сигрун – эпитетом "sólbiört" (яркая, как солнце) (*HH* II, строка 45).

Потаенное эльфийское Кольцо Власти Ненья усиливает мотив золота, а также включает в себя типичную для образа валькирии характеристику свечения и является еще одним

напоминающими валькирий и имеющими средневековые культурные коннотации, которые писатель приспосабливает к современным героическим, культурным и моральным ценностям, провозглашенным в его произведениях.

Как и подобная валькирии Вальхтеов в «Беовульфе», Галадриэль Толкина –«идеальная королева, которая царствует в чертоге, исполненном сияния» (Damico, 1984, p. 9). Галадриэль правит эльфийским народом с теми же спокойствием и блеском, которые усиливаются мотивами света и сияния, характерными для образов валькирий. Имя Галадриэли, постоянно упоминаемое в сопровождении эпитетов со значением сияния или лучезарности, на толкиновском вымышленном языке Синдарине значит «светлая госпожа» (13). Хотя сияние Галадриэли исходит не от доспехов, колец или ожерелий, типичных для изображения древнеанглийских и скандинавских валькирий и подобных им героинь, ее внешний блеск описывается с помощью слов, подчеркивающих яркость и насыщенность цвета, в особенности – белизны ее одежд, блеска глаз, физической красоты и белокурых волос. Первый раз Галадриэль предстает перед нами «одетая полностью в белое» (clad wholly in white) (*FR*, p. 369), и позже опять «в простой белой одежде» (clad in simple white) (*FR*, p. 381). В конце трилогии героиня появляется «облаченной с ног до головы в мерцающее белое, словно облака вокруг луны» (robed all in glimmering white, like clouds about the Moon) (*RK*, p. 308). Изображая Галадриэль, Толкин постоянно использует эпитет «белый», подразумевая сияние звездного, лунного и солнечного света, столь сильно связанное с образом героини. И далее, связывая образ королевы эльфов с ярким интенсивным светом, Толкин постоянно называет Галадриэль «высокой, белой и прекрасной» (tall and white and fair) (*FR*, p. 376) или, позднее, просто «высокой и белой» (tall and white) (*FR*, p. 488). Относятся ли эти эпитеты к белизне одежд Госпожи или к безупречно белому цвету ее кожи, что описывается словами «ее белые руки» (her white arms) (*FR*, p. 380) – они подчеркивают ее ярчайший блеск и указывают на насыщенность цвета, являющегося неотъемлемой чертой физической природы Галадриэли.

В эддических песнях валькирии, как и Галадриэль, описываются как hvít (белая) (*HHv*, строка 28), fögr (прекрасная) (*Völ*, строка 2) и liósa (сияющая) (*Sigsk*, строка 53). Вдобавок, сияющие одежды толкиновской героини не могут не напоминать «одежды белые из перьев лебяжьих» (álptarhamir), принадлежащие валькириям в «Песни о Вёлунде» (*Völ*, прозаическая вставка до строки 1). Также и появление Галадриэли на эльфийской ладье-лебеде (*FR*, p. 388–389) отсылает к той же эддической «Песни о Вёлунде», где фигурируют женские персонажи, которые названы и валькириями, и девами-лебедями. Другая древнескандинавская валькирия, Брюнхильд, представлена через образ лебедя как «álft af báru» (лебедь на волнах) (*VS*, строка 177). Белизна Галадриэли и ее ладья-лебедь соединяют ее с этими образами валькирий, созданных из самого яркого из естественных цветов. Через эти отсылки Толкин подчеркивает, что визуальный образ эльфийской королевы отражает верхний предел светового спектра. Таким образом, белизна тела Галадриэли в сочетании с белизной ее одежд и ладьи делают королеву эльфов тождественной самому свету, а значит, и нравственному началу в самой насыщенной форме.

В добавление к использованию белого цвета и прекрасной внешности для подчеркивания интенсивности визуального образа Галадриэли как указания на ее высокий моральный статус, Толкин также характеризует совершенство физического и духовного облика

Источник:
Tolkien the Medievalist /ed. by J. Chance. – 1st ed. – London. New York: Routledge, 2003. – 295 p.

С момента первой публикации «Властелина Колец» в 1954–55 гг. многие читатели сочли, что немногочисленность женских персонажей в трилогии Толкина не только разочаровывает, но и является ее серьезным недостатком. Эдит Л. Кроу подытожила это мнение следующими словами: «Наиболее проблематичный аспект творчества Толкина – это удручающе малое число женских персонажей в его наиболее читаемых и любимых произведениях «Хоббит» и «Властелин Колец» (Crowe, 1995, p. 272). Другие исследователи полагают, что малочисленность женских персонажей обусловлена недостатком повествовательной техники писателя и даже его латентным женоненавистничеством (1). Так, одна из ранних исследовательниц, Кэтрин Стимпсон, утверждает, что толкиновские героини построены «на банальнейших стереотипах» (*J. R. R. Tolkien*, p. 18). Патрик Карри в своем более позднем исследовании подчеркнул, что «Властелин Колец» «поблек» бы без женских персонажей; тем не менее, он соглашается, что в изображении Толкином женщин «невозможно не заметить патернализм, если не патриархальщину» (Curry, 1995, p. 127). Напротив, пытаясь узаконить трактовку Толкином женских персонажей, такие исследователи, как Кроу, пишут, что «он лишь отражал свое время и свои источники» (Crowe, 1995, p. 272). Те, кто стоит на аналогичных позициях, подчеркивают, что если женщины занимали центральное место в ничтожно малом количестве средневековых текстов, то в современной интерпретации Толкином традиционного эпического наследия было бы неуместно расширять круг женских персонажей или подчеркивать их роль. По мнению этих исследователей, если достижения в области феминистических исследований и гендерной теории пришлись на

весьма поздний период в жизни Толкина, то и в его произведениях нельзя ожидать отражения феминистического подхода в обрисовке женских персонажей.

Сконцентрировавшись скорее на значимости толкиновских женских персонажей, чем на их малочисленности, Хелен Армстронг, однако, утверждает, что, «несмотря на ставшую общепринятым мнением и даже догмой мужецентричность мира Толкина, писатель сам же идет против этой системы,.. создавая активных героинь» (Armstrong, 1995, p. 250). Лайза Хопкинс поддерживает это мнение, заявляя, что «в произведениях Толкина власть сосредоточена в руках женщины» и «женщины у Толкина не изображены исключительно с точки зрения их взаимоотношений с мужчинами» (Hopkins, 1995, p. 365). Хотя Кроу признает, что мнение о Толкине как о «скрытом феминисте» недоказуемо, но она, тем не менее, утверждает: «Толкин демонстрирует отношение к власти, сравнимое с тем, что проявляют многие, считающие себя феминистами (хотя и не идентичное им)» (Crowe, p. 272). Изучение произведений писателя с аналогичных феминистических позиций подтверждает тот факт, что

> этому малому числу женщин дано исполнить ряд ролей, важность которых удивительно несоразмерна их количеству. Сама их малочисленность, кажется, придает им уникальность и почти талисманный статус, а в некоторых случаях и сама их женственность… является у Толкина источником их силы (Hopkins, p. 365)

Пытаясь поддержать интерпретацию толкиновских героинь как женщин сильных и властных, играющих ключевую роль в ходе повествования, некоторые ученые помещают произведения Толкина в контекст античного эпоса, христианской типологии, теории архетипов Юнга и современной гендерной теории. Например, Мак Фенвик обнаружил черты сходства Цирцеи и Калипсо Гомера с Галадриэлью Толкина, параллели между Шелоб и гомеровскими Сциллой, Харибдой и сиренами. Но, как бы ни были очевидны эти античные параллели, Фенвик, сводя свое исследование к этим двум диаметрально противоположным женским характерам, не может объяснить проходящий сквозь всю трилогию мотив женщины как властной силы. Вдобавок, несмотря на то, что существуют убедительные аналогии между Галадриэлью и Девой Марией (2), такое применение христианской образностимало что дает для объяснения высокого статуса других героинь в трилогии Толкина. Питер Госелин (Goselin, 1979) использует мифологические архетипы Юнга для описания полярных отношений между женскими персонажами, как манифестацию женской анимы, но для иллюстрации этого аспекта власти женщины в трилогии он тоже использует только образы Галадриэли и Шелоб. Другие ученые анализируют способы действия женских персонажей внутри крупных гендерных конструкций. С этой позиции Мелани Роулз поясняет, что

> женское начало не отрицает мужского, но являет собой другой тип существования, который равен мужскому, но в то же время отличен от него в статусе и силе. Эта разность добавляет масштабности и сложности персонажам трилогии, исполняющим танец комплементарности (Rawls, 1984, p. 13).

> По указанию Одина они выбирают людей, которые падут в битве, и даруют победу оставшимся в живых. Таким образом, они формируют важную связь между божественным и человеческим миром. Забирая героев из мира людей, валькирии продолжают заботиться о них в мире богов, где подносят им питье (Jochens, 1996, p. 39).

В героической германской поэзии у некоторых женщин-валькирий случаются драматические любовные истории с мужчинами-героями, что меняет ход событий в мире людей. Хелен Дэмико считает, что истоки таких отношений лежат

> в выборе валькирией героя во время битвы, в возложении на него особого задания, которое формирует его героический характер, в наделении героя неиссякаемой энергией, которая обеспечивает победу в бою, а затем, по необходимости, в сопровождении его в загробный мир (Damico, 1984, p. 67).

Далее, через свою архетипическую связь с павшими в битве воинами, «валькирия приносит смерть, воплощает встречу со смертью; ее полурелигиозная, жреческая функция дает ей огромную силу как воплощению человеческих страхов и сомнений» (Overing, 1995, p. 229).

В древнескандинавской литературе валькирии обычно предстают в двух типологических аспектах: как «яростные, стихийные существа», которых «иногда требуется умилостивить жертвоприношениями», или как «благосклонные охранительницы», которые равно служат герою «и при дворе, и на поле битвы» (Damico, 1990, p. 176–177). Мрачный и враждебный аспект образа валькирии часто рассматривается как реликт более ранней мифологической концепции, в то время как благосклонный образ считается явлением более поздней германской мифологии и литературы. Несмотря на то, что древнеанглийское слово «welcyrge» эквивалентно древнескандинавскому «valkyrja», оно постоянно использовалось для обозначения «созданий злобных, деструктивных, развращенных, связанных с убийством» (Damico, 1990, p. 177). Англосаксонские авторы были склонны описывать в героических текстах женщин, используя обозначения, связанные как с благожелательной, так и с недоброжелательной сторонами образа валькирии. В своей известной статье «Беовульф: Чудовища и критики» Толкин проявляет глубокое знание подобных параллелей между древнеанглийской и древнескандинавской литературными традициями, когда отмечает «фундаментальное сходство героического духа древней Англии и Скандинавии» (*The Monsters*, p. 25). Наследие германской эпической традиции, общей и для англосаксов, и для древних скандинавов, образ валькирии (12), отраженный в таких благородных женских персонажах, как Вальхтеов, Юдифь и Юлиана, позволяет считать их связанными с традицией изображения валькирий. Толкиновские героини воплощают тот же образец героической древнегерманской женщины. Не имеет значения, заимствовал ли Толкин образы Галадриэли, Шелоб, Эовин и Арвен непосредственно из древнескандинавской литературы, обращался ли к напоминающим валькирий героиням древнеанглийской литературы или сочетал обе традиции. Для нашего исследования важен тот факт, что героини Толкина наделены характеристиками,

> … можно заметить, как второстепенное желание, будь оно чудовищным, женским или даже героическим, постепенно вторгается в доминирующее желание и преломляется в нем,.. [демонстрируя] нам многоголосие, переплетение желаний, что, в свою очередь, способствует его [текста] тревожной сложности и динамичному мерцанию (Overing, 1995, p. 220).

Толкиновские Галадриэль, Шелоб, Эовин и Арвен – это персонажи, чьи слова и поступки во «Властелине Колец» создают схожую полифонию мотивов, которые изменяют и событийный ход сюжета, и читательские ожидания по поводу вероятной развязки.

Галадриэль, Шелоб, Эовин и Арвен связаны с теми же мотивами, характерными для германской или скандинавской литературы и обнаруживаемыми во всей трилогии, посредством характерных черт, описанных по образцу стереотипных, канонических атрибутов валькирий, благоволящих героям – Вальхтеов, Свавы, Брюнхильд, Сигрун и Хервёр. Эти характеристики обычно включают: *(1)* происхождение или родословную, восходящие к богам или полубогам; *(2)* высокий социальный статус; *(3)* выдающиеся мудрость, интеллект и проницательность; *(4)* невероятную красоту. Так как в древней литературе и мифологии названные качества присущи многим женщинам, то неудивительно, что во «Властелине Колец» Толкин включает их в портреты Галадриэли, Эовин и Арвен. Однако куда большую значимость женским персонажам Толкина придают другие атрибуты, специфические для традиции изображения валькирий. Доминирующими чертами женщин в героической обстановке, которые специфичны для валькирий и являются важными для «Властелина Колец», являются: *(1)* неземное сияние, часто связанное с блеском доспехов или с отсветами огней битвы; *(2)* обладание удалью и силой, которые не уступают мужским или превосходят их; *(3)* исполнение церемониальных функций в пиршественном зале, таких как подношение чаши на торжественном пиру, одаривание героев, шитье или хранение специальных героических одеяний, которые побуждают героев исполнять свое предназначение; *(4)* изречение пророчеств или участие в речевых актах, которые предопределяют судьбу грядущего; *(5)* выбор поступков, основанный на проявлении собственной сильной воли; *(6)* переживание потери чего-то важного и дорогого в жизни. В Шелоб получила отражение оборотная сторона образа валькирии, включающая те же самые качества, но с противоположным знаком, и персонифицированная злобными, мстительными и деструктивными женскими персонажами – такими как мать Гренделя из «Беовульфа» и Хримгерд из древнескандинавской «Песни о Хельги».

Слово «валькирия» происходит от древнескандинавского «valkyrja», что означает «определяющая исход битвы» или «выбирающая убитых». Валькирия – это полубожественное женское существо, языческие религиозные представления о которой происходят от ее статуса девы-воительницы под командованием Одина. Как и «дисы», схожие древнескандинавские героини, валькирии описываются как «вооруженные, наделенные властью и жреческими функциями. Они определяют судьбы героев и являются посредницами между людьми и божеством» (Damico, 1990, p. 176). Дженни Джоушенс так описывает традиционные мифологические функции валькирий:

Какими бы значимыми ни казались подобного рода исследования по поиску источников, аллюзий и роли персонажей в повествовании, они являются лишь второстепенными в изучении творческого замысла и задач Толкина. Ни одно из них не в состоянии комплексно исследовать многочисленные проявления власти и силы женских персонажей в самом известном произведении писателя, «Властелине Колец». Невероятная сила женских характеров, тем не менее, может быть объяснена в контексте обращения к сфере интересов писателя – средневековой германской героической литературе, которая оставила огромный отпечаток на профессиональном сознании и личности Толкина (3). Невзирая на то, что Толкин часто выражал неприязнь к исследованиям, направленным на поиск первоисточников его произведений (4), корни не только его женских образов, но и всего Средиземья уходят в культуру и литературу Средних Веков. К.У. Салливан высказывает разделяемое многими исследователями мнение, что толкиновский «нарратив по традиционным лекалам» может быть лучше истолкован «не через призму современных критических методов, но через методы, применимые к более ранним произведениям» (Sullivan, 2000, p. 11). В подтверждение этого Эванс пишет, что произведения Толкина о Средиземье отражают «зависимость от средневековой техники развития мотивов, а сам тип повествования сохраняет и подчеркивает традиционные черты и при этом продолжает их» (Evans, 2000, p. 22). Марджори Бернс подытоживает вышесказанное о средневековых источниках, обогащающих ткань повествования в произведениях писателя, утверждая, что «за каждым сюжетом и каждым персонажем у Толкина стоит целая история на стыке литературоведения, мифологии и лингвистики» (Burns, 2000, p. 219).

Помимо такихутверждений общего характера о средневековом основании мира Толкина, существуют и более конкретные свидетельства о влиянии на него средневековых германских текстов. Называть древнескандинавские, древнеисландские и древнеанглийские тексты прямыми источниками «Властелина Колец», вероятно, неправомерно, так как это в значительной степени умаляет заслуги самого писателя, но лишь немногие ученые берутся говорить об отсутствии литературных аллюзий к этим культурам в трилогии Толкина. То, что Толкин был стойким ценителем северно-европейской средневековой литературы, подтверждают и его личная переписка, и профессиональная деятельность. На заре изучения творчества Толкина Чарльз Мурмэн даже осмелился заявить, что «единственное всеобъемлющее влияние оказали на Толкина Эдды и саги Севера» (Moorman, 1968, p. 212). Это мнение нашло отклик в словах Линн Брайс: «На протяжении всей жизни Толкина его воображение было всецело поглощено древнескандинавской литературой» (Bryce, p. 113). Фенвик, даже говоря о роли античной литературы в творчестве Толкина, тем не менее, соглашается с мнением Одена, высказанным несколько ранее, признавая: «Нет сомнений в том, что для Толкина Север был сакральным направлением, и большая часть его вымышленного мира имеет в основе близкое и длительное знакомство писателя с древним Севером» (Fenwick, 1996, p. 17). Придавая особое значение влиянию древнескандинавского материала на толкиновскую литературную эстетику, Т.А. Шиппи определяет германское «сочетание чести, отваги и печали» как «цель, к которой стремился» Толкин в своих произведениях о Средиземье (Shippey, 2000, p. 155). В недавней работе Глориана Сент-Клер отмечает:

Понятие судьбы в древнегерманских памятниках героического эпоса, жажда отваги, концепция зла, трагедия смертности и рок бессмертия, парадокс поражения – вот темы общие для древней литературы Севера и «Властелина Колец» (St. Clair, 1995, p. 66).

Общий итог подобных исследований подводит к выводу о том, что творчество Толкина преемственно средневековой германской традиции, в особенности – древнеанглийской и древнескандинавской литературе. При этом ни одно из исследований не дает детального анализа тех женских персонажей средневековой литературы, которые послужили образцамидля наделенных сильными характерами героинь Толкина (5). В частности, главные героини «Властелина Колец», – Галадриэль, Шелоб, Эовин и Арвен (6) – отличающиеся независимостью, наделенные личной ответственностью за события глобального масштаба и облеченные полномочиями влиять на их течение, несут в повествовании те же функции, что и героические женские персонажи древнескандинавской мифологии и литературы, называемые валькириями (7).

Темы света, пророчества, физической силы, самопожертвования, культурного лидерства, непоколебимой воли, обязательного участия в церемониях и поддержки избранного героя, разнообразно акцентируемые в героических образах Галадриэли, Эовин и Арвен, напоминают о средневековой традиции изображения валькирий (8). Благодаря образности, ассоциирующейся с валькириями, эти героини действуют как символы древнегерманских, часто конфликтных, мотивов горестной утраты и успешного завершения дела, индивидуальной воли и ответственности перед обществом, непоколебимой стойкости и неожиданного возрождения – столь важных в картине мира произведений Толкина. Создавая контраст этим положительным женским образам, Шелоб, в образе которой данные мотивы выворачиваются наизнанку, подчеркивает их значимость для эпоса. Галадриэль, Шелоб, Эовин и Арвен выступают на общем текстовом фоне, словно фигуры на барельефе, изображающем героические деяния германских валькирий, а не как второстепенные случайные персонажи. В них Толкин ищет собственный ответ средневековой традиции, представляя своих героинь, подобных валькириям, как стихийные силы, чье присутствие в трилогииделает возможным как героический, так и «человеческий» исход событий. Например, для Арвен, в отличие от ее средневековых «двойников», таких как Сигрун и Свава, выбор судьбы смертной женщины оборачивается не трагической гибелью Арагорна, но жизнью, прожитой вместе с любимым. Так же и Эовин полностью реализует свой человеческий потенциал, соединяя мужскую и женскую субличности, что совершенно немыслимо для ее предшественниц-валькирий наподобие Брюнхильд и Хервёр.

Тем не менее, образы Вальхтеов, Свавы, Сигрун, Брюнхильд и Хервёр, населяющие воображение Толкина, не просто взяты со страниц средневековых рукописей и целиком перенесены во «Властелина Колец». Скорее, как и в случае с другими средневековыми источниками, из которых он почерпнул материал для создания своего вторичного мира, Толкин пересоздает традицию изображения валькирий для достижения собственных целей и использования в рамках созданной им культуры. Точнее, образы Галадриэль, Эовин и Арвен, вписанные в героический контекст, создаются из тех характеристик валькирий, которые играют наиболее важную роль в толкиновском христианском, послевоенном, дофеминистском

видении современного эпоса. Устраняя из своих ключевых женских образов такую типичную функцию валькирий, как роль подстрекательницы и сопровождающую ее функцию мести за нанесенное оскорбление, – личное или родовое (9) – Толкин делает их воплощением высокой нравственности, героических идеалов, благородного поведения, ответственности, наделяя их характерными женскими чертами в сочетании с современным восприятием важности роли женщины в обществе и мире. Хотя и несколько идеализированные, сильные духом героини Толкина возникают, вероятнее всего, из его личного чувства восхищения женщинами, такими как его мать и жена Эдит, а также из тогдашнего духа времени. В современном писателю обществе существовало традиционное понимание роли женщины, хотя уже начали появляться новые веяния и возможности для слабой половины человечества в профессиональной жизни, новые модели семьи. Женщинам послевоенных лет, как и средневековым валькириям, представилось больше социальных возможностей оставаться независимой личностью, не жертвуя при этом собственной ожидаемой культурной ролью – что Толкин, отличавшийся консервативными взглядами на мораль, но никак не узостью мышления, мог находить привлекательным.

Другие женские персонажи «Властелина Колец» иногда совершают поступки, напоминающие о средневековой традиции изображения валькирий, но их сходство с валькириями менее заметно, чем в образах Галадриэль, Шелоб, Эовин и Арвен. К примеру, Златеника – сияющая, лучезарная фигура из иного мира, которая подает героям еду и питье, но она не исполняет никаких церемониальных функций, в ее жизни нет трагической потери, не проявляет она и воинских качеств. Иорет произносит слова, намекающие на провидение событий или пророческое знание о них, но ее слова заимствованы из преданий и сплетен и не предполагают, что она сама умеет предсказывать. Своей независимой индивидуальностью и готовностью постоять с оружием в руках за свой народ Лобелия Саквиль-Бэггинс в конце трилогии может походить на валькирию, но ее скупость и жадность до чужого добра, проявленные в тексте ранее, не являются чертами, типичными для валькирий. Хотя то, как Рози Коттон поддразнивает Сэма, вполне может напомнить подстрекательскую роль валькирий в средневековой литературе (10), но здравый смысл и заурядность Рози не имеют ничего общего с чертами божественных дев-воительниц Одина. Следовательно, ни среди сельских жителей-хоббитов, ни среди горожан из Минас-Тирита, ни среди лесных духов никого, напоминающего валькирий, в толкиновских текстах встретить нельзя. Вместо этого Толкин помещает свой вариант валькирии в героический мир Средиземья, где битвы и легенды, пророчества и предания, благородство и отвага ведут к тяжелому, а иногда и болезненному выбору, который имеет огромное влияние на грядущие события.

Хотя Галадриэль, Шелоб, Эовин и Арвен обманчиво кажутся второстепенными персонажами, важность их роли заключена именно в героическом выборе, который каждая из них совершает из необходимости, направляющей их волю к поступкам в духе валькирий. Личная воля валькирий концептуально эквивалентна категории желания, часто обсуждаемой в гендерной и феминистской теории (11), когда в своем выборе женщины определяют не только свою судьбу, но и судьбу всего мира. Джиллиан Оверинг, вызывая у нас воспоминания о сходном процессе, когда на события «Властелина Колец» влияет волеизъявление толкиновских героинь, но говоря о действиях женщин в древнеанглийской литературе, отмечает: